

СЕРГЕЙ АДЕНИН

Наэтэ

РОМАН НА ГРАНИ РЕАЛЬНОСТИ

Сергей Аданин

Наэтэ. Роман на грани реальности

«Издательские решения»

Аданин С.

Наэтэ. Роман на грани реальности / С. Аданин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830019-6

Герои романа бегут из мира, где «банк, скоринг, троллинг, цифровизация... ё-цивилизация». Андрей мечтает жить в Атлантиде, а не в «большом и безобразном» городе, где работает «на благо бизнесменов» в пиар-агентстве и глушит депрессию вином. Его судьбу меняет встреча с Наэтэ — девушкой словно из «иного» мира. Они творят собственную реальность, в которой «любовь не охладела». Но ему нечего ей дать в «этом» мире, у него нет «плана». Он следует за Наэтэ в её «Страну Любви». Только где эта страна?..

ISBN 978-5-44-830019-6

© Аданин С.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Эх...	6
Глава 2. «Кароч»	11
Глава 3. Девушка-кит	17
Глава 4. Покорение покорённого	23
Глава 5. Соблазнение соблазнённого	29
Глава 6. Страсть без конца	34
Глава 7. Выход в свет	42
Глава 8. Миссия Наэтэ	51
Глава 9. Утро Сфинкса	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Наэтэ
Роман на грани реальности
Сергей Аданин

© Сергей Аданин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Эх...

Выпихнувшись из автобуса, Андрей привычно, не глядя, пересёк широкий тротуар, который весь уже был в истоптанном мокром снегу, обогнул угловой дом – здание одного из бывших НИИ, где теперь внизу, за высокими окнами, располагался большой магазин автозапчастей – и, хлюпая снежной серой жижей, что выдавливалась из-под ботинок, вышел на соседнюю широченную улицу, шедшую под углом к той, по которой он ехал только что. Предзимняя слякоть, новый безрадостный рабочий день, уже почти совсем светло. «Эх, серятина!» – нехотя поднимал он глаза на окружающую действительность. Ничто не радовало, – скорее пройти этот отрезок пути, до «коробки», где на седьмом этаже его офис. Тоже бывший НИИ. Там до государственного переворота, или «контрреволюции», которую совершили те же люди, что, в своё время, и революцию – «они же коммунисты, они же и торгаши – шизофреники, короче», как их называл Андрей, – сидели геологи, а теперь – масса фирмочек, и все чего-то продают. Раньше здесь, кажется, строили грандиозные планы по освоению Севера, а сейчас занимаются торговлей, рекламой и дизайном...

И внешний, и внутренний вид здания остался тем же, что и эпоху назад. Тот же серый, потемневший уже кирпич, та же «вертушка», охраняемая вахтёршей с холодным безликим старым лицом, та же тёмно-синяя краска на стенах «удави меня канатом», расхлябанный лифт... Во многих кабинетах – старая мебель, внушающая тоску по несбывшемуся... И торчащие под потолком «коммуникации» – пучки проводов, стянутые хомутами. Вся эта огромная дребедень-коробка заполнена теперь мелкими и не очень арендаторами. Раньше тут велась хоть какая-то целенаправленная деятельность, думал Андрей, и всё это было новым и родным – по крайней мере, для тех, кто здесь работал. А сейчас – тусклое разноцветье лиц, пьяный дезорганизованный улей, ветшающие соты, скислый мёд... Но зато квадратный метр недорогой.

Нет, работа в пиар агентстве бывает интересна, слава Богу, считал Андрей. Всё же с людьми общаешься, у некоторых глаза горят, – хоть что-то человеческое. Но в целом – он отдавал себе отчёт – это всё безумие. Его снедал глубочайший депрессняк. Депрессия залегла глубоко «под водами души», словно бесконечная бетонная платформа, заилённая и замусоренная суетными эмоциями, под которой сжижились и сгнили водоросли, дающие «водам» кислород.

«Эх, глубока ты моя печаль, – где ж твоё дно?» – беспрестанно обращался внутрь себя Андрей, и начинал думать о чём-нибудь непостижимом, непознанном, таинственном. Про Атлантиду даже в стихах думалось:

– Атлантида, мать моя!
Ты была иль не была?..
Так куда ж ты уплыла?..
В окияны и моря...
Где бы бросить якоря?..

Иногда, вместо того, чтобы писать очередную заказуху, он углублялся в виршетворчество, сидя за компьютером с крайне сосредоточенным видом, так что коллеги по агентству – а это были в основном «девки», как он их беззлобно и почти ласково называл – боялись отвлечь его. Он прятал вирши в каком-нибудь тексте, над которым якобы работал, – из-за спины «случайно» не подглядишь... Все «девки» были чрезвычайно озабочены поиском заказчиков, постоянно насиловали телефоны и скрупулёзно подсчитывали проценты, которые им полагаются за каждый заказ. Поговорить, в общем, было не с кем. Андрей был весьма образован и начитан, и постоянно ловил себя на мысли, что, вступив в какой-нибудь разговор с «дев-

ками», он теряет клетки головного мозга пластами. Душа взывала и заставляла его «пойти покурить».

Место для курения располагалось в «закуте», в ряду кабинетов по коридору – вместо одного из помещений был «закут». С грязным до жути большим окном, вытяжкой, двумя стоячими тумбами-пепельницами – всегда с горой окурков, да ещё некоторые и дымятся – и собеседниками из соседних фирмочек. С некоторыми уже здороваешься, как с давними знакомыми, и ведёшь речь о всякой чуши, выражая на лице эмоции, которых на самом деле нет. Даже анекдоты скучны до безобразия. В соседних фирмочках «девок» тоже до фига, некоторые симпатичные и также ходят в закут покурить. Ну, хоть что-то...

Вирши могли крутиться в голове у него по целому дню. Вот как эта «Атлантида»:

– Ты зачем на дно ушла?
Лучше места не нашла?..
Появись из пенной бучи,
Я реальностью замучен!

Он бы не для глянцевого и делового журналов писал, а ходил по полю, припадая к цветам, и смеялся с нимфами в тени ив... Жизнь, которая его окружала, не стоила в его глазах ничего...

На самом деле, ему хотелось плакать. Всё время плакать. Только он об этом не догадывался. Это прорывалось само собой, когда он довольно много выпьет. Попойки, которые периодически случались – со знакомыми из фирмочек, – почти всегда заканчивались его рыданиями и беспамятством. Поводом для «порыдать» могло стать всё, что угодно – от тяжелейшей судьбы мерчендайзера до Гондураса в огне. А потом неделями – в дополнение к обычной депрессии – его ещё мучил и стыд, острое ощущение собственного недостойнства...

У него не было никакого стремления «подняться», «разбогатеть», «купить машину»... «По большому счёту, – говорил он себе, – мне иногда интересно с интересными людьми, иногда хочется писать для них и о них, но это и всё. А для чего мне это нужно, я не знаю. Ведь не для того же, чтоб ощутить себя счастливой шестерёнкой в механизме извлечения прибыли на карман какого-нибудь „бизнесмена“ с мозгом земноводного... Лучше об этом не думать. А то опять захочется выпить». И так шло изо дня в день.

Сегодня он должен закончить и согласовать текст статьи о городском рынке подержанных иномарок, где главным экспертом выступал Шип с третьего этажа. Шип – это кликон, а вообще он Сергей аж Семёнович. По фамилии Шипилин, торговец заезженными праворульками, бандит лет тридцати или сорока пяти, или где-то так, встроившийся в калашный ряд, желающий получить «реномэ» и освоить «таргетинг», а то неучтёнку девать некуда, в карман не входит. Городское сообщество предпринимателей, куда он недавно вступил, двинуло его в совет мэрии по «малому бизнесу», и теперь его свиное рыло не должно пахнуть, хрюкать и пугать щетиной. За счёт этого он рассчитывает увеличить обороты вдвое и стать в недалёкой перспективе – как все они – другом сирот. Короче и по-любому, депутатом. Всё бы ничего, да двух слов не вяжет. И вообще – потеет, когда интервью даёт. Пиши за него, крась белым по чёрному, украшай стразами пустоту.

Андрей домучивал статью и часто выходил курить.

В один из таких выходов он встретился в курилке с Торцом, в миру – Игорь Творцов. Торец, а не «Творец» почему-то. Директор и совладелец агентства наружной рекламы, двадцать восемь лет. У него на седьмом этаже было две комнаты, а в полуподвале здания – большая мастерская. Считалось, что агентство Андрея, которое с «девками», дружит с агентством Торца, которое с «парнями», а точнее – лично с ним и его двумя компаньонами-друзьями, – троица такая несвятая – гуляющая, пьющая. Торец был невысокого роста, худой, прыгучий и е. учий донельзя. Постоянно матерился, не взирая на «девок», травил пошлые анекдоты,

активно выдавливал из совместного дела своих друзей, крутил шашни с Андреевыми «рекламщицами». Совместные поездки в баню, то да сё... Потом сам рассказывал, как «она после бассейна села к нему на колени», и он её «трахнул». Прямо за столом, где «девки» и «парни» потребляли после омовений пиво, водку и всякую селёдку. Речь шла об «Ольке», одной из коллег Андрея – молодой, слегка толстоватой незамужней «девке»...

Однажды он случайно застал Ольку и её подругу Оксанку – она была постарше лет на семь, чем Олька, тоже сотрудница Андрея, у которой был муж и аж двое детей, мальчишки-погодки шести и семи лет («дурында почти тридцатилетняя») – в момент, когда те решили покушать. В большой комнате, где сидели все, включая Андрея, у дальней от входа стены была выгородка – складик такой, для печатной продукции, а в нём – столик с чайником и микроволновкой. Толстоватая Олька и Оксанка-мамашка разложили там на бумаге всякие мясные и сальные шматья, – ломти были мягкие, длинные, «извивались» и истекали соком, жиром. Они ели руками, – руки все в жиру, губы, щёки... Бумажная подстилка насквозь пропитана истечениями мясными. Что-то деликатесное жрали, в общем. И *так*, будто единились с этим мя-ясом, растворяя его в себе, сами растворяясь в нём... Андрей неожиданно их застал за этой «трапезой» – они, видимо, расслабились... Оксанка, которая мамашка, тоже, кстати, трахалась с этим Торцом, – по пьяни однажды плакалась о своей любви к нему в присутствии Андрея. У Торца – своя жена и свой ребёнок... Олька и Оксанка на всех пьянках-гулянках вместе, Олька у Оксанки как помощница, личный секретарь...

Весь этот «мир плоти» не сколько отвратителен был Андрею, сколько изумлял его. Он как-то уже привык, что кругом оно всё так. Думал внутри себя: «Не принцессы, чего там, – простые девушки с окраин городских, с частного сектора. Папа пил, маму бил...». Но на самом деле, не в окраинах дело, полагал он. Просто вот сейчас вся движуха посвящена этому, все смыслы, ценность работы и жизни в этом – руками жрать шматья мясные и в банях сношаться. «Вот ваши интимные места, – мысленно обращался к ним Андрей, – поверьте, также выглядят, как эти сочащиеся и почти шевелящиеся ломти мяса. Трахать вас – всё равно как говяжьё или свиную тушу трахать, – в онанистическом угаре». Его передёргивало... Собственно говоря, и его жизнь была теперь во имя всего этого. Чтобы Торец и Шип трахали мясо. Се человек. «Принцесса, – усмехался он про себя, – если бы присела, Торец, на грудь твою сухую, то поняла бы, что под нею не человек, а толстая жилистая змея холодная, которая ещё и шевелится, – она бы от омерзения не рассудок бы потеряла, а просто бы померла». «Принцесса» – это у него был такой образ, лишённый индивидуальности, – для противопоставления «девкам».

Одно свалывшееся комом человеческих ломтей мясо – шевелящееся, хлюпающее, чмокающее, слипающееся животами, задами, передами... И вот его, Андрея Лепова, на самом деле, засаленными лапами, с которых течёт жир до локтей, до подмышек, жрёт некто или нечто. Небытие. «Животные спариваются и едят. А вы – сношаетесь и жрёте», – думал он скорее с сожалением, чем с презрением... Торца-Творцова, кстати, во время пьяных посиделок в шутку обзывали Тварцом – не ТвО-рец, а ТвА-рец. Как слышим, так и пишем. Маленькая тварь мужского рода. Женский эквивалент – тварька. Тот смеялся, ему смешно – какие обиды, вы чё. А когда-то говорили «Творение». С большой буквы. И даже – «венец Творения».

...А сейчас Торец рассказывал Андрею очередной анекдот, принесённый из бани, куда его зазвал Шип – как нового партнёра, – приблизил и к делу, и к телу, так сказать. Торец дерзко вгрызся в Шипа, так как понял, что тот имеет гору нала и потребность в щитовой рекламе... Андрей прослушал смысл анекдота, но засмеялся в нужном месте. А потом Торец стал рассказывать, матерясь трижды в секунду, какая, б...., ё., сука, у Шипа секретарша, – появилась не так давно. Дженнифер Лопес сильно нервничает, кура в сторонке одну за одной.

– Представляешь, нах..., захожу в приёмную – мне такие буфера в глаз, ё., б...., ну нах.. – тыц! Я забыл, зачем пришёл... Потом, нах..., – не, ты подожди – б...., такая встаёт, стоеросина, бёдра, б...., как у мамонтихи, выше меня ростом на голову и метр двадцать, б.... – ну я-то

всего метр семьдесят – ну не, нах..., – там под двушку метров вышка – на каблучищах..., не, – выше, я е.у!!! Её Наталья Викторовна зовут, – б...., ну Ева, которая из ребра, б.... – крестьянка кривоногая, – рядом...

– Ну, ты хочешь сказать, – Андрей прервал жестикуляцию и речевой поток собеседника, – что она – так ничего себе на лицо?

– Да ё. тыть, в жопу «лицо», когда такое видишь, – ну чё – лицо как лицо... Она, ё. тыть, у Шипа лицом работает, что ли?.. Хотя..., б...., и лицом тоже, наверное – е..ть мой х..! – он громко заржал, его слегка даже подтрясывало от собственного смеха – такой он был лёгкий, казалось, сухощавый, жилистый.

Андрея передёрнуло, но он поддержал Торца пустым смешком – скорее, хмыком. А сам представил себе шкафообразную девушку, которая одновременно ещё и оглобля. Девушка кашалот с длинным хвостом. Такой образ у него сложился.

– Не, ну ты понял, – продолжал Торец, – думаю, дай я к ней подкачусь, – не, ну ты не видел её? – правда?

– Да я позавчера заходил к Шипу – интервью брать, никого не было в приёмной, вечером уже, после шести...

– Кароч, приношу ей на следующий день шоколадку, – говорю, – Наталья Викторовна, это вам, а сам вообще от сисек оторваться не могу – аж, б...., поджилки дрожат, ох..ваю прямо на месте. Она молчит. Ну, кароч, я к Шипу в кабинет. Выхожу – а моя шоколадка на полу валяется. Них.. себе – да? Я, сука, нах..., взъерепенился – подхожу, поднимаю, кладу ей на стол опять, – упала, говорю, или кто смахнул, – это вам, с нажимом так говорю. И улыбаюсь до ушей. И на сиськи тупо зырю. Она такая берёт её, и в урну – шпух!.. Я опять ох..ваю прямо на месте. Ты чё, говорю, девушка, Шипу имиджы портишь? Ох..ла типа? Или шеф тебя сегодня ещё не драл?

– Так и сказал?

– Кароч, – не обращая внимания на вопрос Андрея, продолжал Торец, – в другой раз я Шипу говорю: а чё, бнять, твоя секретарша, *всех* ваших партнёров в п..ду нах.. посылает или только некоторых? Он так удивился... Разберусь, грит. Но вообще-то все ходят на неё посмотреть, – ну, и ко мне заходят. С деньгами. – И ржёт. А потом: ладно, Игорёк, не переживай, – обломает, обтешет, на куски порежем, – серьёзно так, – под столом х.и сосать научим... Ты понял! Она и Самому на гора выдаёт, наверное – ох..ть, – где он её взял? У него, б...., раз в два месяца новая секретарша, предыдущую на столе трахал – симпатичная такая блондинка. Чё-т она ему не угодила, – так он, говорят, по рукам её пустил. Бандит, чё...

И Торец засмеялся опять.

– Не боишься с ним работать? – только и спросил Андрей.

– Да ну х. ли, у меня в основном вот такие заказчики, без комплексов, но с баблицем... Х. ли, б...., если он ею с партнёрами будет делиться, дам ему скидку. Пять процентов.

И снова заржал.

Андрей уже не улыбался даже... Торец он наглый, настойчивый, по ушам ездит настырно и ловко – верить ему, нет, – Бог его знает. Чего тебе только в курилке не расскажут – хуже, чем выпившие попутчики в дороге дальней.

Ещё он был мстительный, Торец этот.

– Ничего, – подытожил он, – я ещё ей пистон вставлю, – губы зло поджал, не шутил.

Андрей оглядел его внимательно – с ног до головы, – потому что подумал: «Твоим пистонам Бог не те размеры дал, если верить твоим же словам, что там не девушка, а кит». Стрижка у Торца короткая, прямо-таки прекоротенькая, но моднющая, парфюмом дорогим несёт от тёмно-русых волосиков. На висках, правда, уже седина чуть видна, ну рубашечка голубенькая, ну свитерок кашемировый, ну джинсики – да, по фирме, и ботиночки импортные, со специально завышенным каблуком, чтоб росту мужчине добавить. Ну всё, на самом деле, такое

убогенькое – если брать по меркам Шипа даже. Так что наглость – второе счастье, это про Торца сказано, – точно...

Андрей докуривал уже третью сигарету, Торец потянул из пачки новую – болтливо ему сейчас, хочется ещё поговорить, а у Андрея уже давно скребла по бетону его одепрессневевшей и обескислороженной души серая подводная кошка, взбалмучивая пролежни из ила и мусора ненужных эмоций. Не любил Андрей разговоров «про баб», не любил. А у Торца – любимая тема. Сегодня. Трепанув его за плечо, Андрей быстро ретировался, успев подумать ещё: «Эх, Торец, – смотри не получи в торец».

Глава 2. «Кароч»

Вернувшись за свой рабочий стол, Андрей целиком погрузился в статью, влип глазами в монитор. Не позднее обеда он должен бросить файл на имэйл. Если Шип одобрит статью, то сразу и расплатится – прямо тут, «на косогоре», – из кошелька достанет или барсетки. Там деньги и за статью, и за две полосы рекламы в журнале... Граф ждёт этих денег под зэпэ сотруди-никам.

Граф – Эмиль Гарифулин, это их директор, – татарин такой, добродушный, приехал из азиатских тьмутараканей покорять город большой и безобразный, в котором учился и теперь жил Андрей. С Эмилем он на «ты», почти приятели, благо тому тридцати ещё нет, постарше Андрея года на два всего, и жена у него – фотомоделль, – с его слов, конечно. Андрею нравилось, что Эмиль ею всегда любит как бы, когда говорит о ней. А Эмилю, в свою очередь, нрави-лось, что это Андрею нравится, и он не стеснялся рассказывать ему о своей семье – о жене и дочке. Граф три года помогал одному крупному оптовику гонять товар по просторам Евра-зии, имел высшее образование и капиталец. Долго думал, куда вложить – в покупку продукто-вого магазинчика или в рекламное дело. Душа интеллигентного торговца попросила открыть своё пиар агентство. Ну, и ладно.

Ожидание зарплаты слегка мобилизовывало. Если Шип зарубит статью, то и не видать зарплаты ещё дней несколько – не только Андрею, но и всем восьми «девкам», которые считают проценты, насилуют телефоны, хотят с мужиками в баню и сапоги. Менеджерица Машка – небольшая такая желтоволосая крашенная блондинка, плутовка с грудью аж шестого размера и аккуратной попкой – а Шип это её клиент – особенно переживала, что выражалось в том, что она каждые двадцать минут подходила со спины к Андрею и пялилась в его монитор, всячески давая понять, что «прокола» быть не должно, она лично проконтролирует, и если что... А что, если что? Андрей внутренне ухмылялся. Да Маша ещё грудью слегка «орудовала», возила ею по Андреевым плечам, вдохновляла. Так выходило, что у неё все такие заказчики были – с чёр-ным налом наперевес, и либо с автомобилями связаны, либо с нефтепродуктами. Маше всего-то двадцать лет, но, чувствуется, там лет с пятнадцати – бурная половая жизнь и запросы. Андрей её жалел, на самом деле – уж больно в ней нелепо всё сложено: рост маленький, грудь – большая, ума нет, а Андреем пытается руководить. Заказчики обещают много, в гости зовут постоянно – в баньку там, то да сё, а денег долго размышляют давать, и даже снимают заказы. Постоянно с Машей испытываешь состояние облома. Заказчик дал ей гарантии – пацанские, пол-конторы с ним возится, всё бесплатно делают, в том числе Андрей, а потом с этого пацан-чика месяцами наличку трясут – Граф да Маша. И так и не могут дотрясти. Словом, Маша – это всегда проблема денег. Граф не выдержал уже, сказал Андрею:

– Если Шип решит тебе, а не через Машу, денег дать – хватай.

Мысли его скакали. «Маша, не маши грудью, не мешай работать, – тарабанило у Андрея в мозгу, – я и так делаю больше, чем могу себе позволить... Боже! – как же вы все мне неинте-ресны! Мне жаль. Жаль! Вы могли бы быть другими, но вы не понимаете, зачем...». Наконец, он поставил последнюю точку, бросил файл на имэйл и стал звонить в приёмную Шипа. Ему ответили:

– Ил'ори!

...Андрей опешил от двух вещей. Первое – её голос. Лёгкое-лёгкое «р». Как будто бы он позвонил – ну, в Испанию, что ли. А не на третий этаж. У него даже пронеслось в голове: что я за номер набрал? Голос был не сладковатый, не мягкий-деловой-внимающий-завлекающий, как обычно у секретарш хороших, а такой – слегка надтреснутый обидой и бархатно-чистый, как нота «ля» у флейты. И второе, от чего он растерялся – это «илори». «Так её зовут? – мельк-нуло у него во лбу, – или я вклинился в чужой разговор?...». Не успел он что-либо сказать,

как тот же голос, роняемый, словно жемчужинки в прозрачный-прозрачный ручей, который выбивает красивую мелодию по донным камешкам – едва слышную и волнительную, произнёс после короткого прерывистого вдоха, почти страдальческого:

– Я слушаю.

И девушка снова, теперь уже громко, прерывисто вздохнула, потом ещё раз и ещё. И шмыгнула носиком, почти всхлипнула, но это прозвучало, как чудесный аккорд на клавишине, соль-септ-мажор, – Андрей в детстве учился музыке, он знал, что это такое. А потом она с усилием держала ровное дыхание – носом, отчётливо слышно. Это было не дыхание. Медовая дымка. Андрей почему-то заволновался, – маленьким гейзерком, горячим и чистым, вырвалась из-под его бетонированной депрессии фантазия. И много ещё чего мгновенно пронеслось в его голове, душе, на внутреннем «дисплее» его сознания. Даже такая несурзная мысль: «Этот Шип – тяжёлый, пустой, опасный тип. Как такая девушка может у него работать?». Но всё это – мимолётное. Андрей легко взял себя за язык: тарам-барам, передайте, туда-сюда. И:

– Вас зовут *Илори*? – простите, понравилось слово.

Он всегда кокетничал немного с секретаршами, – знал, к тому же, что его голос в телефоне приятный. Нет, он «кокеткой» не был, по определению. Это просто такой ритуал делового гендерного общения. Тебя как бы постоянно «завлекают», ты будто бы влюблён – причём, безальтернативно, с первого взгляда – и чувства твои только нарастают, просто ты их сдерживаешь, как мужчина при делах, достойных, безусловно, восхищения, но – тем не менее – неотложных. Но неотложных сию минуту. А вечером... Что вы делаете сегодня вечером?.. Всё это смешно, конечно, однако именно такой стиль – он убеждался в этом много раз – впечатывал твою личность в эмоциональную память собеседницы, и дальше уже общение шло легко, а дела ладились.

...И снова его огорошили. После почти тяжёлого и прерывистого вдоха девушка ответила что-то вроде:

– Илоэтереми.

Но в голове его прозвучало: «Я поняла, передам ему».

Он даже испугался чуть, – наверное, он просто не разобрал, что она говорит. Даже покраснел. Что за глупость он ей сморозил?

– Что вы сказали? – переспросил он.

– Я поняла, передам ему, – повторила она.

Потом опять глубоко и прерывисто вздохнула и ждала в трубке, что он ещё скажет, – будто не желая заканчивать разговор.

«Что бы такое ещё сказать?» – он лихорадочно искал повод продолжить общение. Его скрутил диссонанс – мелодичного света и тучливого неба – в её голосе, – небо вот сейчас заплачет, а свет будет рассыпаться арпеджио в тяжёлом серебре дождя. «Она чем-то расстроена, – подумал он, – ей тяжело, и она держит меня на трубке, чтобы отвлечься». Но – чуть встряхнув головой, решил: глупости.

– Вас Наталья Викторовна зовут? – только и нашёлся, что спросить. Вспомнил вдруг рассказ Торца про «бёдра, как у мамонтихи», про девушку-кита, кароч. И неприятная судорога повела его лицо: зачем вспомнил? Голос так не соответствует той картинке, которую намулевал Торец.

Ответила не сразу, почему-то. Возникла неловкость – неприятная Андрею, так как именно себя он почитал источником этой неловкости.

– Нет, – наконец, сказала она.

Он облегчённо вздохнул. Всё-таки, он не хотел, чтобы у девушки-кашалота был такой, как у «*Илори*» голос... Илори. Его взволновало это «Илори», – даже если оно и показалось ему. Ну, не расслышал чего... Наконец, он понял, почему она и не говорит ничего почти, и трубку

не кладёт.... В приёмной ей кто-то что-то внушал, – да это Шип! Андрей даже расслышал кое-что:

– ...По контракту... (быр-быр) ...мои компаньоны... (быр-быр) ...Никто тебя насиловать не будет, ты со мной... (быр-быр) ...Сам Капуста из Владика едет... В бане с тёлками будешь – не с нами же... Это деловая встреча, ты поняла!?

Последнюю фразу он вообще проорал.

– Не кобенься давай, – сказал он уже совсем близко к телефону Илори, – ты знала, на что шла... Кто на трубе? – Андрей уже будто с ним говорил.

– Журналист, – слабым и далёким стал вдруг её голосок, будто телефонная мембрана упала в снег... И тут Андрей услышал в своём ухе рык Шипа:

– В полвторого зайди!

Что удивительно, этот рык был проходным каким-то, спокойным. Так примерно, как львы «тихонько разговаривают». У Андрея сердце ещё сильнее забилося – что с Илори? (так он её стал звать) – как она может рядом с этим туплом бандюганским находиться? Но в трубку ответил ему, изображая готовность:

– Да, конечно!

Как пионер – всем ребятам пример.

Трубку положили. Но Андрея словно заковали, – он не мог двинуться, продолжая вбирать в ухо короткие стержни гудков. Наконец, тоже положил трубку. В ушах звенело. У него уже образ Илори стал рождаться в голове – как мечта. Или как видение Галатеи, некоего идеала, но не статуи, а живой девушки, бегущей по ромашковому полю, тянущей к нему свои руки. И волосы у неё – голубые и золотистые, как небо и солнце. А в глазах – смешливое счастье. Тронутое страхом.

Весь этот телефонный разговор, если и длился минуты полторы, и то хорошо. Но Андрей почему-то воспрял. Он не сомневался, что Шип утвердит материал, а он увидит Илори. Он впервые, за год почти после того, как разошёлся с женой, вдруг заволновался, ожидая встречи с девушкой, пусть даже мимолётной.

Однако это скоро улеглось в нём, он не отнёсся к этому серьёзно – не верил уже давно и прочно в какие-то там сантименты. Глядя на окружающих «девок», и тая в своём сердце печаль по поводу бывшей жены, которую он любил, а она ему «спокойненько» так изменяла почти всю их недолгую семейную жизнь – как оказалось – с очень смазливеньким таким его товарищем. У товарища был туманный взор и чёрные глаза. Жена товарища была конченная проб..дь, которую он же и соблазнил, когда той было четырнадцать, а ему девятнадцать, и через пять лет он ещё и женился на ней и зачем-то они родили аж ребёнка. И потом она трахалась, трахалась и трахалась по студенческим и рабочим общагам. А товарищ ходил к Андрею и к его красивой жене в гости, читал стихи и пел песни. В итоге – как оказалось – он был ещё и бисексуал. Фу! – кароч. «В Содоме, наверное, также было», – думал иногда Андрей. Но жену свою он простил. В том смысле, что был благодарен ей за то счастье, которое – он это ощущал – она ему подарила. Пусть и на короткое время.

Так что место у него теперь в душе только для любопытства. «Никто там тебя не будет трахать. Насильно, – вспомнил он Шипа. С тёлками будешь мыться...». «Ага, – усмехнулся Андрей, – а типа с нами за столом будешь сидеть в простыне у меня на коленях. Да... А я потом расскажу, как тебя поимел, – куря с кем-нибудь в заплёванной курилке». «Не ездь с ним никуда, Илори, – сказал он в себе, обращаясь к солнечно-голубой мечте своей, – не ездь».

До полвторого оставался ещё час, Андрей сел за свой монитор, открыл какой-то текст со встроенными туда виршами и тупо уставился в него, переплавляя застрявшую внутри боль в пыль слов.

...В болтающемся лифте он всё ещё складывал строчки про свою Атлантиду:

«Атлантида, Матка Бозка, —
Вот ведь, мать твою, загвоздка, —
Нету места для души —
Ни в столицах, ни в глуши.
Так всплыви же Атлантида, —
Посели меня в себе!
Буду я атлантидидом —
Сыном буду я тебе»...

...Подходя к приёмной, он моментально переключился: Илори. Даже остановился перед дверью, стал трогать себя за нос зачем-то. Дверь была старая, из той эпохи, но высокая и тяжёлая — как дубовая. Чтобы увидеть вывеску, надо задрать очи. Андрей задрал. «Сигма-Н, ООО», — прочитал он довольно крупные буквы, лаково-золочёные на лощёно-белом. Пенопласт. Мастерская Торца-Тварца. «Почему бы *просто* не назваться, — подумал Андрей, — «Инверкаргилл стормфайер инкорпорэйтэд-эМ»? — вечно эти крутые парни чего-нибудь непонятное себе на лоб приколят». С трудом отворив дверь, он вошёл в приёмную. Это была большая комната, даже очень. «Здесь, наверное, обретался сам директор этого института, а теперь вот — новая власть», — он впервые об этом подумал... Как и в прошлый раз, когда он приходил сюда брать у Шипа интервью, в приёмной никого не было. Большой стол полукругом, за которым, очевидно, должна сидеть девушка-кит, пустовал. Дверь в кабинет Шипа — такая же огромная, как и входная — была открыта. Андрей, слегка робея, прошёл мимо стола секретарши. На стуле — он увидел — висела белая шерстяная ажурная кофточка, от неё шёл едва улавливаемый аромат духов. От него захотелось персиков и свадебного путешествия. Пахнуло недоступным покоем, морским лёгким бризом и слышались бравурные всплески волн, радостные и неожиданные — «синкопированные» — крики чаек... «Чего я размышлял? — успело пролететь в голове Андрея, — Атлантида, мать моя...». И он вошёл к Шипу в кабинет, который был раза в три огромней приёмной, где плавала в аромате мечты девушка-кит. Илори. Всё смешалось в голове Андрея, его уже несло, — он бы тоже хотел быть китом. Китом этой девушки.

...В дальнем конце ангара — иначе кабинет Шипа из-за его громадности и не назовёшь — гнезвился, показавшийся ему миниатюрным, как скворец в вольере для китов, хозяин городского рынка подержанных иномарок. Брат Шип. Он кивнул Андрею — подходи, садись... Интерьер кабинета был почти весь из той эпохи — времён Очакова и покорения Севера, — однако огромный стол, за которым сидел новоявленный Большой Брат Шип, наоборот был очень современный, очень гладкий, очень итальянский и темнел благородным, неизвестным Андрею, буком. И был весь не бумагами завален, а уставлен диковинными «артефактами» — какими-то головами и чурками идолов, большими и маленькими, вырезанными из дерева, отлитыми из металла, и — такое ощущение — настоящими черепами, обтянутыми человеческими лицами, только усушенными. Видимо, он коллекционировал эти головы и ему их дарили подельники, из дальних странствий возвратясь. Раньше, очевидно, тут собирались многолюдные совещания — всякие доктора и кандидаты наук, — а теперь торчал один Шип. В окружении черепов. Возле стола стояли два стула с высокими спинками — тоже, видать, из Италии, — на один из них Андрей присел и внимательно глянул на своего визави. И снова, как и в прошлый свой визит, чуть не заулыбался — настолько не соответствовал приличный костюм, почти чёрный, такой же тёмный галстук и белая рубашка, этой бурой — в смысле не только наглой, но и по цвету бурой — физиономии, почти квадратной, без морщин, даже мелких. Костюм этот смотрелся, как смиренная рубашка на психбольном. Ну, или как вериги на упитанном монахе, который ещё вчера смирял свою плоть в кабаках и банях с проститутками. Но брат Шип твёрдо, видимо, решил насчёт «реномэ» и всего такого, что дают в мэрии, поэтому... «Поэтому я здесь», — сказал в себе Андрей.

Сбоку от монаха, в миру Шипа, на приставном столике, стоял большущий тонкий монитор, на котором – Андрей увидел – висел текст его статьи. По всему было видно, что компьютер и брат Шип почти незнакомы, в банях вместе никогда не бывали, с какой стороны у мышки лево, а с какой право, человек не знает, и файлы из его почты ему всегда открывают секретарши. Андрей представил, как это происходит, – девушка должна зайти на сторону Шипа, втиснуться между приставным столиком, где монитор, и креслом начальника, встав близко-близко к нему спиной, – и ему стало не по себе. Его кольнуло: «Илори», – но почти инстинктивно он сбросил этот морок со своего лица.

– Ты это, – на бумаге принёс? – спросил Шип.

– Что именно? – не понял Андрей... – А! – распечатку?

– Ну да... Я тут хочу поправить кое-что.

Андрей насторожился. Ну, началось... Вот так всегда – двух слов не сказал, но хочет их поправить.

Поскольку Андрей не двинулся, Шип, потя, начал формулировать. Тык-быр-мыр.

– Ты вот это... зря написал. Ты это по-другому напиши.

– Как?

– Ну *ты* же писатель, – не я. Ну как-нибудь получше, покрасившее, что ли... Видел каталог «Тойота»? Там всё коротко и ясно, всем нравится, – а ты длинно пишешь. Пока, бл..., предложение прочитаешь до конца, забудешь, что в начале.

– Ну, понял, – не стал спорить Андрей, – это легко поправить, просто длинные предложения разобьём на короткие.

– По-любому... Пацаны и так подьё..вают – чё, мол, умный стал шибко, с мэром водку жрёшь?... Кароч, иди поработай ещё. Сегодня четверг... В понедельник принесёшь. У нас тут большой шалман, на базу уезжаем. До понедельника.

– Ой-ой, – Андрей сделал просительно-молящие глаза, – Сергей Семёнович, сегодня до четырёх – это дедлайн, иначе не успеем в номер. Я сейчас быстро поправлю и через час вышлю новый файл.

Шип явно не знал, как выйти из этой ситуации, но слово «дедлайн» ему, кажется, понравилось. Таргетинг. Скорринг. Реномэ. И всё такое... Опять вспотел, – ярится. Тяжела ты шапка братана. И денег раздумалось платить. А обещал.

– Ладно, – наконец, сказал он, – я еду сейчас в мэрию, а ты высылай, кароч.

– И как с оплатой? – Андрей уже понял, что это кидок. И пошёл ва-банк. – В полчетвёртого я приду за деньгами, исправленный текст у вас будет в три.

С таким подходом Шип сразу согласился. Конкретный базар.

– Ладно, – сказал он. Но вовсе не решил ещё платить.

И Андрей понял: фифти-фифти. Ну, хоть что-то.

– Да всё будет в порядке, – уверенно додавливал он Шипа. Бился уже не за себя, а за родной коллектив. За девок-процентщиц, кароч.

– Ок, – облегчённо вздохнул Шип и расслабил галстук. Если меня не будет, у Натальи Викторовны заберёшь.

– Ок, – повторил за ним Андрей, а сердечко-то дрыгнулось. Илори. Он постарается узнать у секретарши про неё, когда деньги будет забирать. Наталья Викторовна ну никак не соотносилась у него с Илори – из-за той обрисовки, которую ей дал Торец-Тварец. Как «сиськи» не соотносятся с «персями» – так, примерно.

В офис он принёс обнадёживающие вести и снова принялся за свою «Атлантиду»...

Так увлёкся, что забыл про обед, который дают в сохранившейся с прежних времён столовке на втором этаже. Кормят «коммерсантов» дорого, зато невкусно... Оксанка, которая мамашка и дурында тридцатилетняя, подошла и спросила – хочет ли он горячую пиццу? Они заказывали на весь девичий гурт, уже поели, у них осталось. Андрей не отказался, хотя ему

сейчас было вообще не до еды. В «Атлантиде» рождались новые рифмы и строки, а воображение рисовало Илори, которая возникала из морского прибоя, как Венера, и он уже целовал её мокрые и чистые колени, ловя губами тоненькие струйки сладкой от её кожи и солёной от природы морской воды, стекавшие ниточками стремительных прихотливых ручейков по её ногам... Какая пицца? Но, тем не менее, он пошёл навстречу Оксанке – невольно, правда, сравнив Илори-Венеру с нею. У Оксанки – спина широкая, она яркая некрашенная блондинка, с голубыми глазами. Не скажешь, что она – мужиковатая, бёдра вроде не такие узкие, хотя и не выдаются особо из-за широкой же талии, коренастая – хотя и не низкая, а ноги – худые, и оттого кажутся кривыми. Хотя Оксанка в голубом костюмчике, юбка – довольно длинная, заужена, с разрезом сзади, стройнит её. «Коренная жительница куреня», – дал ей определение Андрей. «Выступная» бабёнка, под стать Торцу: хочу, могу, имею право. И ноги у них одной конфигурации. «Девки» все её слушаются, она у них как бандерша. Но Андрей для неё – энигма, и она время от времени осторожненько подбивает под него клинышки, а время от времени – подбивает «девок» против него. Действует стимулирующее, но неуместно. Смысл? Андрей вообще не нуждается в «заботе и руководстве». Получил направление, и идёшь, забыл пообедать – и Бог с ним... Такие, как Оксанка, всегда фронду сколачивают из «девок» и ручных мужичков против руководителя, чтобы держать того на коротком поводке: уйдём и клиентов уведём. Это называется «лидерскими качествами». Кароч..., – Андрей, жуя холодную уже «горячую пиццу», вспомнил, что должен поправить статью. Тупо разбил на отдельные сентенции пару сложносочинённых предложений на первой странице, а потом застрадал: да Шип и читать не будет! До него просто не доходит смысл текста, если он больше четверти страницы – «много букофф»... Кароч, времени уже – начало четвёртого. «Напишу ему в сопроводилровке, – решил Андрей, – что сократил все длинные предложения, и сам понял «как вы были правы». Файл на имэйл, кароч...

Глава 3. Девушка-кит

Минут пятнадцать до визита к Шипу ещё есть, можно покурить. И Андрей с лёгким сердцем вышел из кабинета и пошёл по коридору в сторону курилки, возвращаясь мыслями к «Атлантиде» и к Илори. И та, и другая – континент и девушка – соединились в его фантазиях, заняли воображение целиком, отвлекая от уродливых экспозиций на ярмарке действительности, —

так что зайдя в курилку, он не сразу понял: это явь?..

Скучное ноябрьское предвечернее солнце густо позолотило свет, льющийся через мутное, немывое с прошлой осени окно. Пока он возился с Шипом и «Атлантидой», улицы и крыши накрыло ярчайшим белым снегом, и свет, отражённый им, продавил оконную муть, словно выставил стекло, и резко очертил враз омертвевшее пространство курительного закута, — всю грязь задымленных стен и потолка, потоптанного на полу пепла. Как фотовспышка, выхватившая на мгновение из «тьмы внешней» замусоренный и загаженный человечеством, ушедшим в небытие, пятячок. Ничто не могло умалить белый свет, его ласковое весёлое буйство, заплетённое в косы насыщенных тёплым матовым золотом солнечных лучей. И всё это служило лишь ореолом. Для фантастической девичьей фигуры.

Она показалась Андрею совершенно нереальной и нереально совершенной. Как будто её инкорпорировали сюда из другого – блистательного – мира, в котором его «Илори» сразу же померкла, стала «штамповкой». Девушка, стоявшая к нему спиной, и не замечавшая его, была высокой – не ниже, а, скорее, выше него ростом – конечно, из-за каблучков. Но она не была долговязой... Как будто художник нарисовал её, строго следуя пропорциям золотого сечения. Или – натуре. Ударил кнутом красоты по глазам – своим и Андрея. Его тело стало ватно-невесомым, и только тяжёлый камень сердца бултыхнулся в этой ватной пустоте так, что его повело, он едва устоял. Такова, наверное, Ярославна из былинных времён, которая «на Путивле плачет»... Русые, густые, волнистые волосы её свободно падали на спину, сужаясь к лопаткам, на плечи, а сверху и по бокам они насквозь просвечивались солнцем – настоящий нимб! Светло-зелёное платье – короткое, чуть длиннее, чем «мини» – облегло талию мягко, легко лежало на бёдрах, не стесняя их. Это было настолько вызывающе, и настолько достойно... Ноги... – он уже упал в них, целуя скаты высоких каблучков её белых, «принцессинных», чайкокрылых туфель. Все эти ощущения были мгновенны, но как в замедленной съёмке.

«Господи! – взмолился Андрей, – я увижу её лицо?». Он заволновался так, что чуть не крикнул это. Он вобрал её в себя всю – одним долгим, поражённым взглядом.

...И не сразу понял, что она и вправду плачет. Плачет! Плечи её подплясывали в рыдательных судорогах, руками она закрывала лицо... Никого не было в курилке, и она давала волю слезам... Она что-то говорила – через рыдания, всхлипы – нечленораздельно, он не понимал слов. Но смысл их был ясен: она жаловалась без надежды на сочувствие, звала на помощь, хотя помощи ждать было неоткуда. Богу в жилетку плакала – горько, горько... И – странно! – её голос ласкал. Его слух. Он не выдержал. Он едва поборол желание подойти к ней, взять её, повернуть к себе лицом и гладить, гладить её волосы – успокаивая и шепча ей такие слова, которые... вернули бы её губам смех... Он подошёл к ней сбоку. И заглянул в глаза, чуть нагнув голову. Она тёрла их и лоб и всё лицо руками – по мокрому, и ладони у неё были мокрые, и даже платье, наглухо закрывающее её «полновесную», грудь, было в мокрых пятнах, которые темнели на светло-зелёном, и, кажется, делали тонкую материю прозрачной. Андрей почувствовал на губах – словно бы он прикоснулся ими к этим мокрым пятнам на её груди – сладкий и солёный вкус её слёз... И невозможность, неслыханность такого прикосновения – губами к её груди – чуть не убили его отчаянием: не про тебя сделано! – чуть не заставили его бежать! Но что-то уже словно двигало им – независимо от его воли. Он стал пристально смот-

реть ей в лицо – слёзы текли по нему потоком, сквозь её пальцы, по щекам, которые она вытирала тыльной стороной ладоней, – ничего не помогало! Они не переставали течь, туманили её светло-карие глаза, она часто моргала и говорила что-то непонятное! Но ему было понятно! «Я больше не могу, – пожалуйста, пожалуйста, заберите меня отсюда», – всё это прерывисто, через судороги плача...

Наконец, он тронул её за локоть:

– Что с вами? – произнёс он как можно более мягко.

Но она словно не ощущала его присутствия..., сейчас его постигнет невыносимый ступор беспомощности, невозможности помочь ей, – и он, опережая своё отчаяние, вдруг спросил:

– Миленькая, что с тобой?

И она, по-прежнему не поворачивая в его сторону головы, опустила руки. Затем опустила и голову, как виноватая в чём-то. Губы не слушались её, она кусала и кусала их. Плечи била судорога, как накрытые стужей. Платье, как тонкая мокрая промокашка, липло к её груди, и он, казалось, видит её кожу.

– Пожалуйста, не плачьте..., что случилось? – повторил Андрей... И тут стало ясно, что она услышала его, потому что ещё ниже опустила голову, – так что волосы полностью закрыли её лицо, и заплакала с новой силой... Он понял, что её сильно обидел кто-то, ударил в самое незащищённое место, и она не ждала этого... И... вздохнул с некоторым облегчением. Никто не умер. Но ей, возможно, нужна помощь, она боится, не знает, куда бежать, что делать... Он читал это в её позе, в её жестах, её судорожном плаче, в её ломающихся от горькой безысходности губах... Она была невозможно красива, ему показалось...

– Миленькая, я помогу тебе... Что, что случилось? Скажи... пожалуйста! – снова миленькая» и «ты»..., как будто бы это его девушка.

И она ещё ниже опустила голову, её руки безвольно «висели», как ненужные... Наконец, её плач стал более ровным, уступая место прерывистым вздохам и всхлипываниям. И она – сначала повернулась к нему, а затем посмотрела ему прямо в глаза, всё ещё плача, покусывая дрожащие губы... Это было так близко, что он чуть не ослеп. Он увидел, как у её переносья выступают слёзы – от мощных «толчков» из глубины глазниц... И у него у самого задрожали губы, и он заплакал, как она!

– Не плачь, пожалуйста, – говорил он сам плача. – Я прошу тебя, пожалуйста! – он разговаривал с глазами..., он видел только тонкое, мокрое переносье, и прядь её солнечно-русых волос, упавшую на лоб... И какое-то время они плакали вместе, не отрывая друг от друга глаз. Его рука инстинктивно потянулась к её руке. И её рука – тоже, и он взял её за руку, и так держал, унимая мелкую-мелкую дрожь её пальцев... Она склонила свою золото-русую голову к его плечу... У него у самого задрожали руки, стали подрагивать все мышцы... Он осторожно-осторожно положил свободную руку на её плечо, а потом стал гладить её волосы – почти не касаясь их... И почувствовал, что она начала успокаиваться. А его сердце усилило свой набат.

Пока никто их не тревожил, не заходил в курилку, или они не заметили... Сколько времени они так простояли? – её лоб на его плече, он гладит её волосы...

– Как тебя зовут?

Она подняла голову, – губы её уже почти не прыгали, только носом шмыгала, – и отчётливо-нежно прозвучало из её уст:

– Наэтэ...

У него закружилась голова от этих звуков, от её голоса... Он узнал «Илори» – это была она, девушка его мимолётной мечты из телефонной трубки!

Потом она опять сказала что-то непонятное, а у него в голове прозвучало:

– Спаси меня, уведи меня!

Или ему показалось?

– А меня – Андрей, – тихо представился он её лицу.

– Анрэи, – почему-то сказала она. И повторила:

– Анрэи...

И это лёгкое, почти не угадывающееся «р». И мягкое – почти как «е» – «э». Её голос и правда звучал, как флейта – лёгкий и чистый звук, обращённый в мелодии слов. Каждое слово – мелодия...

– Наэтэ, – с чувством, похожим на то, которое возникает от неожиданного прозрения, произнёс он.

– Анрэи, – снова повторила она, – и дыхание её стало почти ровным, а нос стал реже шмыгать, но был мокрый ещё, – на кончике его повисла слёзная капелька, и он тихонечко «снял» её невесомым поцелуем. И вдруг она снова закусила губу, шмыгнув носом, и на лице её вымученном – будто зарница дальняя полыхнула – слабо высветилась улыбка...

– Наэтэ..., – произнёс он опять.

– Анрэи...

Что-то произошло в курилке чудовищное... В ней вдруг стало много народу... И что-то жуткое меж ним. Они оба разом обернулись, – по-прежнему держась за руки...

– Я ж говорил, – почему-то громко орал Торец, – она пошла погулять! Но не знал, что в прямом смысле этого слова!!

Торец туеросился вокруг какой-то гробины... О, Боже! В двух метрах от них стояла в своём чёрном костюме, чёрном галстуке и белой рубашке гробина Шипа – ну то есть он сам! И лицо его было не бурым, как всегда, а мертвенно-бледным – в свете белого дня и солнца! И солнце в этот момент вдруг погасло, ушло дальше по горизонту, и уже не светило в окно. И свет опять стал тусклым, и всё стало как обычно – грязно и серо. С той лишь разницей, что тут стоял Большой Брат. Шип. Взгляд которого был настолько ужасен, что Наэтэ вскрикнула, как будто её ударили молотком по пальцам.

«Анрэи», то есть Андрей, похолодел от ужаса. Перед ними стоял Шип-покойник. Ну вот так одевают покойников, как он одет. Андрей даже метнул взгляд на его обувь. На нём были белые офисные туфли!!

Он отпустил руку Наэтэ, и смотрел – нет, не в страхе, а в ожидании, что тот скажет, – с ощущением враз замороженного позвоночника. Что он так тырсится на Наэтэ? Откуда взялся Торец и другие, которые на неё уставились?

Наконец, квадратная голова Шипа, подстриженная под ноль почти, с намечающейся пролысиной, произнесла:

– Наталья Викторовна! Вы сейчас же спуститесь в офис... Так... Там и поговорим.

Андрею, то есть Анрэи, показалось, что Шип немедленно бы ударил Наэтэ кулачиной в грудь, раздавив её, если бы не он, Анрэи, то есть Андрей, и народ. И не этот болтливый гиперактивный Торец. Свидетели тут не нужны. А вот без свидетелей...

У Анрэи-Андрея зашипела кровь в голове: он умрёт здесь, но ни в какой офис к Шипу Наэтэ не пойдёт! Какая «Наталья Викторовна»? И тут его шибануло вторично: Наэтэ и Наталья Викторовна, о которой грязно живописал Торец – это одно и то же?!?!.. «Ну, Торец, ты и кузнечик вшивый, лягушка, клоп! „Мамонтиха“, говоришь? – ну, для клопа и божья коровка – мамонт. Клоп ты вонючий!». У Анрэи, то есть Андрея, презрительно покосились губы. А Шип голосом зомби произнёс:

– Жду тебя в офисе.

Это прозвучало зловеще, а не то, что он давал ей время закончить «свидание». Он отрезал Наэтэ все другие пути. Она сама должна – и поскорее – прийти на жуткую казнь, на обед к вампиру, лечь вместе с ним в гроб, иначе будет ещё хуже!

Поворачиваясь, чтобы уйти из курилки, Шип бросил на Анрэи взгляд убийцы. На Андрея, в смысле.

«Статью-то хоть прочитал?» – в глазах Андрея, то бишь Анрэи, вспыхнул дикий огонёк куража, – такой же, наверное, какой вспыхивает в глазах бойца, который сейчас бросится под танк со связкой гранат: «а видал я вас!».

Шип исчез. А Наэтэ вдруг прижалась к «Анрэи» всем телом, обхватив его спину руками, и снова горько заплакала... Все «свидетели» решили, почему-то, ретироваться, и даже Торец, желавший, видимо, поострить, замешкался и вышел из курилки.

– Спаси меня, уведи меня, – плакала Наэтэ ему в ухо, – и он дрожал – от волнения и куража.

«Серьёзный переплёт», – это он осознал. Но страха не было. Он уже смелее обнял её за талию, хотя и бережно-бережно, и сказал, глядя второй рукой её лоб, висок, волосы:

– Не бойся.

И она вновь заплакала, но уже – благодарно, хоть и горько..

Андрей, то есть Анрэи, для начала решил увести её из курилки, хотя бы в свой офис с «девками». А там... Там сообразим. Нужно, чтобы она перестала плакать.

– Не бойся, Наэтэ, не бойся, миленькая, – я не отдам тебя этому вурдалаку...

Она стала сдерживать слёзы... А потом он её взял за руку, и она послушно пошла за ним, всё ещё всхлипывая и покусывая свои ломкие дрожащие губы.

Так они и зашли, держась за руки, в офис, где восемь девок-процентщиц, Эмиль, и он – Андрей. Он уже не Андрей. Он – Анрэи. А почему – он даже думать не хотел. Отныне так.

Все подняли на них изумлённые глаза. Боковым зрением Анрэи увидел лишь голубые глаза Оксанки. Сначала в них было изумление, потом тут же: это ещё что?словно бы она тут хозяйка, и без её разрешения никто не может зайти в офис. И это возмущение росло в геометрической прогрессии. Но Анрэи заметил: она очень маленькая, Оксанка, и неказистая. Как карлик. С ножками на раскоряку. По сравнению с Наэтэ. Ему показалось, что и по сравнению с ним все они такие вот – маленькие. Гномы. Даже Эмиль, то есть Граф, который относился к нему хорошо, и Анрэи – к нему. Они с Наэтэ – как атланты, семиметровые гиганты. Или киты. А вокруг – треска. Зрение становится другим, когда вдохновенное нечто берёт тебя на крыло. У Анрэи мощно билось сердце – будто он ощутил присутствие чуда.

Он провёл её к своему столу – ближе к дальней стене, где выгородка-складик. Провёл через весь офис, мимо всех столов и не стеснявшихся изумляться открыто – глаз. Она прошла, как яхта миллионера, не обращая ни на кого внимания, глядя только Анрэи в затылок, – скользнула мощным, по сравнению с Машкиными, бортом-бедром по её столу. Та аж отпрыгнула, не в силах поднять глаза выше этого «борта», а грудь её – шестого размера – показалась ничтожной, – по сравнению... Нет, определённо, – это было явление из другого мира – Наэтэ. По реакции «кол-лектива» было понятно, что он это «спиным христяком» почувствовал. В мире Наэтэ – все такие высокие и красивые, у себя дома – она обычная девушка. Просто её мир прекрасней и совершенней на три порядка сам по себе. Чем мир «Олек», «Манек» и «Оксанок». Шипов и Тварцов-Торцов. Отсюда и разница – в «физической оболочке». Вот с таким примерно достоинством прошла мимо них Наэтэ, ведомая тем, кого они за мужика-то не держали.

Анрэи усадил её за свой стол, ближе к окну, на своё вертящееся кресло. Её ноги не входили под столешню, и она развернулась к нему лицом, «угрожая» коленями. А он сел рядом на более низкий стул, и тоже развернулся к ней лицом. Она получилась перед ним, словно на пьедестале. И у него захватило дух. Хотя там уже и захватывать, кажется, было нечего. Всё захватила она. Всё, и даже больше. Он «вошёл» в её глаза своими, и не мог «выйти». И она – смотрела в него, как замороженная... Так они сидели, не шелохнувшись, и смотрели в глаза друг друга, не замечая и не слыша никого и ничего вокруг. Они настолько глубоко погрузились во взаимное созерцание, что потеряли счёт времени.

...До слуха Анрэи начали доноситься какие-то звуки, – в висок ему стрельнуло: надо уходить отсюда. На улицу, на дорогу, ловить такси, бежать... Но он впал в какой-то столбняк.

Наконец, он расслышал металлический – очень злобный и официальный – голос Оксанки. Лидерский голос, да – громкий такой:

– Андрей Валентинович! – впервые в жизни его здесь назвали по имени-отчеству! – А что с нашей зарплатой?

Если бы к нему обратились на китайском языке, он бы и то лучше понял, что ему говорят. Приоткрыв рот, он продолжал тонуть в световом океане глаз Наэтэ. Её рот тоже приоткрылся... Как с ней рядом мог находиться этот валенкообразный ублюдок, – Шип? Как она не умерла от отврата?...

...Он очнулся, когда понял: ему что-то кричат, чуть ли не все. Он с трудом сглотнул слюну, которая стала вязкой и сладкой. И дико глянул на Эмиля. Граф его звал:

– Эй!

И показывал пальцами – типа, очнись!

Наконец, Анрэи слабо и бессмысленно ответил:

– Да!

Тут же Оксанка злобно вцепилась в него опять:

– Андрей Валентинович! Что с нашей зарплатой?

Граф, сидевший во главе офиса, ткнул эту стерву в затылок словами:

– Зарплата – это не его вопрос. И не твой. И вообще – клиент Машин... Маш, может спустишься к Шипу? Андрей всё ему выслал...

Маша заканючила и завзъерепенилась – пусть идёт он, раз вы ему поручили.

От этой мелкой грызни Анрэи передёрнуло. Он перепугался, что от возвращения в этот мир он снова станет «Андреем», а Наэтэ исчезнет, как видение. И он испуганно «схватил» её глазами. Чтобы не убежала... И не стал участвовать в этой грызне... Услышал только Оксанкин грыз:

– Почему здесь посторонние? У нас работы невпроворот, рабочий день заканчивается, у нас дети, мужья...

Торцу расскажи.

– Маша, – не обращая на Оксанку внимания, сказал Граф, – иди! Уже пятый час, – он обещал денег! – если не успеем его поймать – всё, плакали ваши денежки, дети и мужья.

Всё-таки, Эмиль – интеллигентный торговец...

Анрэи сбросил с себя этот морок и снова стал смотреть в Наэтэ. Не веря, что она так близко, и касается его коленями. Как само собой разумеется!

Машка преднамеренно потянула время и, наконец, пошла, недовольно куксясь. А Анрэи как громом поразило: она донесёт Шипу про Наэтэ!! И только Машка вышла, Анрэи вскочил, мгновенно встревожив Наэтэ, которая забылась. Забылась!

– Наэтэ! Пойдём, я тебя провожу! – это громко было произнесено для посторонних ушей. А ей – наклонившись к её уху, потеряв пульс от аромата её кожи – он прошептал, заикаясь:

– Б-бежим!

Странно, почему Шип до сих пор не ворвался в их офис и не перестрелял всех из рогатки. Наэтэ всё поняла и, вцепившись в его руку, встала, и они опять пошли гуськом через весь офис – к выходу. И Наэтэ двинула бедром Оксанкин стол, – так что на нём всё упало, что стояло. Как кит, бортанула утлую лодчонку рыбака. Рядом с выходом была круглая вешалка, завешанная куртками, полушубками – ноябрь уже почти не баловал оттепелями. Выкорчевав свою куртку, Анрэи накинул её на плечи Наэтэ. Чтобы вернуться ей к Шипу, в приёмную – одеться, сапоги надеть, – об этом, ясно, они и не помышляли. У него были какие-то деньги – на такси хватит, чтобы до его съёмной квартирки доехать. Снял он её месяц назад, и хорошо,

что не успел ещё позвать коллег и друзей на новоселье, – никто не знает, где он сейчас живёт. Раньше, где жил – знают. А сейчас – нет. Он уже запутывал следы.

Лишь бы успеть. Успеть схватить такси.

Из-под его тяжёлой кожаной тёмно-коричневой куртки её невесомое платьице выглядывало лишь чуть. Куртка – и дальше ноги, ноги, ноги. В «принцессиных» белых туфельках... Пока они ехали в «пьяном» лифте – так его шарахало в шахте, – он думал о её ногах и ёжился от того, как они могут застыть, пока они будут переходить широченную улицу с десятирядным движением, и до светофора ещё идти метров двести... «Я отопрею, отопрею твои коленки, твои пальчики – своим дыханием! Лишь бы нам уйти!» – его начинало панически лихорадить. – Увести, увести Наэтэ, – спрятать, спрятать... Скорее, скорее!. Он уже клял себя, что не сделал этого ещё пятнадцать минут назад!..

Он не вёл – тащил её за руку, по снегу, который ещё сохранял свою яркую белизну, и даже стал ярче, так как небо уже начинало темнеть... Наэтэ, чуть не выворачивала лодыжки, неловко пытаясь поспеть за ним, на своих высоких каблуках, утопая всей туфлёй, по самую щиколотку, в снегу, который на газонах уже был глубокий – дворники нагребли. Анрэи тащил её, не разбирая дороги, она только всхлипывала и взахивала... На улице похолодало градусов на семь...

У него бешено билось и ныло, ныло сердце. Сейчас им перегородят дорогу охранники-бандюки этого Шипа, её схватят, заволокут в машину, а его положат «мордой в асфальт» и запинают...

Он уже не верил, что им повезёт. Остановился, наконец, перед странной парочкой – он чуть не в рубашке, она в его куртке, немного издали такое впечатление, что на голое тело – какой-то частник, на потюханной отечественной машинёшке. Такая же у отца Анрэи. Он благодарил Бога и водилу, и эту машинёшку, и своего отца, почему-то...

Они сидели вдвоём, на заднем сиденье – почти слиплись. Её ноги никуда не вмещались... Она вынуждена была слегка задрать коленки, оголив бёдра, – тоненькие колготки, как кожа... От её ног шёл холод, как от остывшего на морозе металла, она вся подрагивала. Он хотел упасть в средокрестье ног её, и дышать, дышать в неё – словно раздувая почти потухший огонь её интимных глубин, чтобы оттуда разошлось тепло по всему её телу... Он не мог дожидаться, пока они доедут, по городу уже кругом пробки... Свой сотовый телефон он забыл в офисе, на столе. И хорошо!

«Бежим, бежим!»

Глава 4. Покорение покорённого

Они ехали почти час – на другой берег реки, разделившей громаздящийся по её берегам город, в машинёшке было холодно, и Наэтэ стала бить дрожь по всему телу, его тоже – плечи ходили ходуном, тонкий серый свитер и «рубашечка» не согревали, а липли холодной жестью. Она наклонила голову ему на плечо и прижалась, сколько было возможности. Руки она сжала в замочек и держала между ног, у колен. Яркие большие глаза её были как цветное холодно-светло-коричневое муранское стекло. Застывающие слезинки выкатывались из них с трудом, заторможено, губы её дрожали на холодеющем лице, но – странно – оставались тёплыми, тёмно-розовыми, её дыхание хотелось вдыхать, как сладкий окрыляющий озон, веселящий газ... Его куртка плохо спасала её от холода, но всё же спасала... Как мгновенно всё произошло...

Наконец, он уже открывал ключом дверь своей «конуры» – на третьем этаже старой кирпичной пятиэтажки. В его районе таких было много, в них раньше селили работников близлежащих заводов, от которых, по большей части, в связи с развитием торговли, рекламы и дизайна, остались одни корпуса, используемые теперь под склады и торговые площадки... Открыв дверь, он за руку завёл Наэтэ в маленькую прихожую. Её глаза снова засветились влажным сияющим светом, но никуда не смотрели и, словно, освещали весь тёмный закоулок прихожей. Она продолжала дрожать. Его охватила такая жалость к ней, что он закусил губу, и из его глаз чуть снова не посыпались слёзы.

– Наэтэ, миленькая, – сейчас, сейчас, я согрею тебя. – Её была крупная дрожь. – Пойдём, пойдём скорее...

Он провёл её в комнату – восемнадцатиметровую по площади «залу» – прямо в куртке, усадил на диван, который у него всегда был разложен, так как старый, сломанный и не складывается. Она продавила его, как медная статуя, а ноги... ноги заняли полкомнаты. Он скользнул глазами – со страхом – в сердцевину открытых почти «до основания» бёдер. «Там» темнел холод. И... о, Боже! – её ноги в туфлях были все мокрые – выше щиколоток, – тонкие «телесные» колготки, сливавшиеся с кожей, серели мокрыми разводами. Он бросился на колени, желая снять скорее с неё эти белые туфли, потом внезапно раздумал.

– Сейчас, сейчас..., – побежал в ванную комнату, дверь которой выходила в прихожую, врубил горячую воду, – обжигаясь, налил в глубокий пластмассовый таз – до половины, потом разбавил холодной водой, и, чуть не падая, вытащил его в комнату, поставил рядом с ногами Наэтэ. Затем осторожно стянул с неё эти «принцессыны ботинки» и опустил потихоньку одну за другой её ступни в горячую воду. Прямо в колготках. Она смотрела на него сверху, и из её глаз начинали снова равномерно течь слёзы... Он глядел на неё снизу вверх, стоя на коленях. И губы его дрогнули, готовые вторить её слегка ломающимся губам, а глаза – вслед за её глазами – опять стало «заливать»... Он подхватился, бросился в смежную маленькую комнатку, где стоял платяной шкаф, стал выкидывать из него всё, пока не вытащил единственный свой лёгкий, тёплый, очень «ласковый» и огромный бело-зелёный плед, подаренный родителями ещё на свадьбу. Он редко им укрывался, только когда в квартире было холодно, а сейчас подтащил его, путаясь в нём, к Наэтэ, которая продолжала сидеть в тяжёлой куртке. Обхватил всю её, как есть – в куртке, пледом со спины, закутал и накрыл онемевшие её ноги – как можно ниже колен, чтобы они полностью были закрыты, – так что угол пледа оказался в тазе с водой. Обнял её под коленями, обхватив пледом икры, потом лёг головой в её ноги, и стал дышать горячим чуть не под живот ей...

Наэтэ резко, прерывисто вздыхала, роняя слёзы, замотанная ужасным образом, поверх куртки, в этот плед. Всё реже и реже вздрагивая... Она смотрела, приоткрыв рот, на затылок Анрэи, его спину, а он стоял на карачках и в буцах, которые так и не снял: когда? – и не верила,

что какой-то человек уткнулся в её ноги лицом, громко дышит... Ещё два часа назад всё было иначе, всё было ужасной, гибельной, но реальностью, а это... Это – мечта. Иллюзия... Она закусила губу до боли, и слёзы полились так сильно... Потом кое-как высвободила одну руку – вторую не могла – и стала гладить его голову, лёгонько, дрожащими пальцами, перебирая его тёмно-карие, слегка волнистые густые волосы. Анрэи не стригся, как «эти», шиповские, почти под ноль, оставляя вместо волос жёсткую, как у свиней, щетину...

Они представляли собой совершенно нелепую «композицию». Её ноги в горячем тазу, в котором плавает кусок одеяла – она закутана им так, как мужчины «умеют» (в кавычках) упаковывать новогодние подарки, – да ещё она и в куртке, которая, скорее броник, кольчуга, а не куртка. Он, извернувшись над тазом, стоя на коленях и в буцах, утонул головой в её ногах... Такое может только случиться – не придуматься и не присниться.

...И она вдруг что-то произнесла – плача. Анрэи услышал «счастье»... Потом они сидели молча, пока дыхание обоих не стало почти ровным... Иногда только она резко и невольно вздрагивала, как человек долго до этого плакавший. Счастье, наверное, выглядит именно так, не иначе... Кругом была квартирка – скорее, бытовка, чем жильё, потому что Анрэи и быт-то какой-никакой не успел ещё наладить... И Наэтэ в этой не отремонтированной сто лет камерке смотрелась, как залетевшая в чулан с рухлядью сияющая звезда.

Они сидели так до онемения, вода в тазу остыла. Наконец, она стала пытаться высвободиться из пледа. Анрэи поднял голову, сел на коленях и помог ей... Волосы её спутались и закрывали сейчас часть лица, но тем ярче горели глаза, тем «иконописнее» были прямой, нежный её нос, чуть «округленный» на кончике, и тонкое переносье... Он восхищённо и поражённо смотрел на неё. Она чуть опустила глаза – словно бы давала ему насмотреться на себя, любоваться собой... И только шмыгала носом иногда.

– О, Боже, Наэтэ, – спохватился он, – давай твои ноги сушить... Давай снимем с тебя эту куртку, – и почувствовал на себе свои буцы-ботинки – неуместные, мешающие.

Пока он возился с тяжёлыми своими буцами и затёкшими ногами, которые его плохо слушались, Наэтэ достала свои в колготках ноги из таза с водой и поставила на ковёр-палас, который, слава Богу, у Анрэи был и покрывал почти весь пол в комнате. Затем сбросила куртку, встала и, задрав платье, начала стягивать колготки привычным движением рук – не стеснялась как будто Анрэи... Приспустив колготки, села опять на диван. И тут Анрэи, не ожидая от себя такой прыти, подскочил к ней, нежно захватил и отстранил её руки и стал осторожно снимать с её ног этот «лишний лак». Открыв даже рот – от близости её тела, кожи... Он медленно освободил её ступни от прилипшей к ним мокроты, затем стащил с себя тонкий мягкий свитер и стал их «промокать», вытирать досуха... А она словно подавала ему десерт – свои ноги... В квартире стало темно, так как и на улице уже стало темно, – он забыл даже о свете, который можно включить. И она тоже не говорила: почему темно?

Отнеся таз с водой, и бухнув разом всю воду в ванну, он принёс ей свой длинный тёплый халат. Она как будто ждала этого и заранее была готова просунуть руки в рукава. Он подал ей его со спины – халат, она завернулась в него, не снимая платья, будто ей по-прежнему не хватало тепла, и так стояла к нему спиной – близко-близко. Без туфель она была вровень с ним, его лицо утонуло в её волосах, и он снова дышал их ароматом. А руки свои он положил ей сзади на плечи, – лучше сказать, они сами положились, и на её плечах была лишь тяжесть его ладоней, а сами руки он держал «на весу». Она приняла это так, будто он делал это уже не раз... Так они стояли некоторое время, потом она повернулась к нему лицом, и её губы оказались рядом с его, а её глаза поглотили его глаза, как океанская толща... Ещё секунда, и он сойдёт с ума, начнёт целовать её губы и всю её, всю!..

Но она тихо-тихо прошептала, вдыхая в него тёплый медовый озон своего дыхания:

– Анрэи, нас найдут, – это был то ли вопрос, то ли утверждение.

– Нет, сказал он тоже шёпотом, – никто не знает, где я живу.

Её губы снова начинали плакать. Лоб, веки, глаза болезненно напряглись, голова опустилась чуть ли не под его подбородок, плечи, грудь стало подёргивать.

– Наэтэ, Наэтэ, Наэтэ, – он пытался «ухватить» её плач и откинуть его от неё, как приставшую кошку, – повторяя и повторяя её имя. – Тихо, тихо, – не плачь, пожалуйста.

Но она уже кусала губы, слёзы уже выталкивались изнутри её глаз, и она снова склонила голову на его плечо, – как тогда, когда они стояли в курилке... И обняла его.

– Не бросай меня, пожалуйста, не бросай!

– Нет, нет, Наэтэ...

Он обнимал её, глядя её волосы... И горел уже, как лампочка, готовая взорваться от того, что в неё подали ток такой силы, на который она не рассчитана. Шептал горячечно:

– Тебя невозможно бросить... Как можно тебя бросить? – И вот тут вот на этом вопросе у него «предательски» задрожали губы, а глаза – опять «замироточили»...

– Они найдут нас, найдут, – они всегда всех находят, – говорила Наэтэ, – но они уже не отнимут моего счастья. Оно уже было, было...

Она дышала глубоко и аритмично... Подняв голову и приблизив лицо своё совсем вплотную к его, она сказала вполголоса:

– Мы уже были вместе..., Анрэи, – эти часы они у нас уже не отнимут, не отнимут. И если я умру – я умру, зная, что была счастлива!.. Что я жила, что у меня был ты...

И она совсем горько-горько заплакала...

– Анрэи, пожалуйста, не бросай меня... Пообещай мне, ты обещаешь?

– Клянусь, Наэтэ, – клянусь, – он повлёк её и усадил на диван, а сам сел рядом, наискось от неё, – так что колени их были плотно прижаты друг к другу...

Она продолжала:

– Не клянись, просто пообещай, пожалуйста...

И давай опять плакать и плакать, давая такую волю слезам, которой у них ещё не было. Её губы стали мокрыми и снова мучительно ломались. От них исходила такая сила беззащитной её красоты, что Анрэи просто встыл в них...

– Что они сделали с тобой, Наэтэ? – наконец, он с трудом выговорил этот мучивший его вопрос.

– Я не далась ему, он бы не взял меня никогда, – никогда, – слышишь? – она плакала и судорожно «вздыхивала», и говорила, говорила. – Он ударил меня, – схватил за волосы и ударил... головой об стол... Я сказала, чтобы он не смел меня лапать, я его толкнула изо всей силы.., я сказала, что ненавижу его грязные бани, и никогда туда не поеду... Меня не били никогда, меня так не оскорбляли, на меня не говорили такими грязными словами... Слова ранят, они режут, как ножи, и они все у них в крови и гнили...

– Наэтэ, миленькая, зачем ты пошла к нему, зачем?

Слёзы застили её глаза, она опустила голову низко-низко, – так что волосы опять закрыли её лицо полностью.

– Он обещал мне защиту, он говорил, что мне ничего почти не надо будет делать, – всхлипы и резкие судорожные вздохи рвали её слова на части, – а я мно-го у-ме-ю делать, я хоро-шо знаю компью-тер, языки... А он гово-рил, что я буду ук-рашением его фирмы, – я буду с ним на деловых вст-речах и праздниках, – и это для него – гла-вное... У меня здесь никого нет... Я нигде не могла рабо-тать дол-го, – ко мне приставали, или ненавидели меня... А я хочу чтобы меня лю-били, – и она опустила голову ещё ниже, и плача, сотрясаемая рыдательными судорогами, продолжала:

– Я хочу, чтобы со мной разгова-ривали, – никто со мной не раз-говаривал, – с куклами даже разговаривают, с кошками, соба-ка-ми, а со мной – нет... А я ведь интересный собесед-ник, – правда, я многое знаю...

Анрэи и плакал вместе с нею, и чуть не улыбался – от умиления, от этого оттенка «резюме» в её горькой жалобе на мир, на людей. Впервые в жизни кто-то заставлял его одновременно и плакать, и улыбаться... А она продолжала:

– Он обещал мне много платить, а мне не нужно много денег, мне не нужны вещи, дорогая одеж-да, я хочу ход-дить голой, я бы ходила голая по лесу... Я люблю лес, я люблю всех, всех... Я бы беседовала... с ними, помогала им... Я хочу, чтобы мною восхищ-щались, я хочу нравиться, мне не нужны вещи, мне не нуж-ны деньги, – она снова и снова это повторяла, – даже выгнулась вся, и упирала на «ы» – не нужнЫ, не нужнЫ, – плакала, плакала...

Внезапно Анрэи сказал:

– Наэтэ, я люблю тебя, – и его слёзы вмиг высохли, а лицо стало почти суровым, – это произошло неожиданно. И для неё, и для него.

Она замерла, полуоткрыв рот. Только дышала прерывисто, подняв голову и глядя мимо него. Как будто эти слова «пришли» не от него, а со стороны... Она дышала и молчала с минуту, наверное. Потом посмотрела на него... Комната была полна бликов от горевших на улице фонарей, окна его квартиры выходили на проспект. Но глаза её светились не отражённым светом, а сами по себе, источая мягкий и яркий дневной свет. Они вновь, как до этого в офисе, смотрели друг другу в глаза, как замороженные. И она сказала, губы её подрагивали:

– Как мне хорошо в твоих глазах – мне там так уютно, спокойно, – можно я там буду жить? – слёзы кап-кап... Я вся туда залезу – с ногами, и ты меня оттуда не выгонишь... – И плач её вновь усилился. – Я буду их лелеять, как свой дом, это и будет мой дом...

– А в твоих глазах, – ответил он ей, – хорошо моей душе... Наэтэ, миленькая, я умру за тебя, – он уже не понимал, что говорит.

– Нет, нет, – она затрясла головой, – не умирай, я не разрешаю тебе, ты должен меня слушаться, слышишь?..

Он плакал, она плакала. И вдруг она прошептала, тихо, почти неслышно:

– Я тоже люблю тебя... Пожалуйста, не бросай меня, – и снова стала плакать на пределе, почти в голос.

Он не выдержал и, вскочив с дивана, снова встал на колени и упрятал голову в ноги её, обхватив её «по кругу» крепко-крепко. Она гладила его голову некоторое время, потом постаралась поднять её, чтобы видеть его лицо. Он, не вставая с колен, поднялся и смотрел на неё. Она гладила его лоб, волосы, всхлипывала, и тоже смотрела, смотрела на него... В её глазах были слёзы, а во взгляде что-то такое: я съем тебя, и ты будешь всегда со мной.

– Анрэи, Анрэи..., – она повторяла и повторяла его имя, – ты красивый, ты очень красивый...

– Я? Красивый? Да я такой, как все, ниже среднего даже. – И его кольнуло воспоминание о жене, которую увёл его смазливый товарищ.

– Не спорь со мной, – сказала она, – я, конечно, красивей тебя. А ты будешь мой красивый абизьян, – понял? – и, перестав было плакать, снова начала.

Его ладони лежали на её коленях, и он чувствовал под халатом, который их укрывал, пульс её артерий...

– Наэтэ, – я убью его, если он... Убью! – он говорил это совершенно серьёзно, и с решимостью, которой раньше у него никогда не было.

– Нет, нет, – не надо никого убивать, – пожалуйста! – она тоже говорила это серьёзно – она поверила ему! – Не надо, давай лучше любить друг друга...

И она опять опустила голову и почти в голос плакала.

Они признавались друг другу в своём счастье, рыдая. Их чувства, начав свой «бег» всего несколько часов назад, «шли и шли» по нарастающей. Он уже целовал её колени, руки, и подсел к ней, – их лица были совсем близко, а полуоткрытые губы уже искали поцелуя...

И вдруг Наэтэ, словно её поразила внезапная мысль, стала повторять:

– Они убьют нас. Они убьют нас... Они убьют...

– Нет, нет, – я спасу тебя, я не отдам тебя им...

– Они все неживые, – говорила она дрожащим голосом, – они питаются чужими жизнями... Они страшные. Они убьют, они убьют нас... Они убьют нас...

И он вдруг осознал, что её начинает колотить истерика, что сейчас её схватят судороги, падучая!.. И он бросился на неё, и зажал в объятиях так, что она почти не могла дышать, повалился с нею на диван, – на неё!

– Тихо, тихо, тихо, Наэтэ!

Она же с неимоверной силой начала биться в его руках, под ним, – так что сбросила бы его и с себя, и с дивана:

– Они убьют нас!! Они убьют нас!!! – она уже дико кричала. Он перевернулся на спину, и так смог удержать её – на себе, захватив её спину в стальной обруч рук.

– Наэтэ, миленькая, тихо, тихо, успокойся! – и целовал, целовал её лицо, её прыгающие губы. – Тихо, тихо, тихо! Я с тобой, они не знают, где мы, тихо, – правда, не знают!.. Тихо, тихо...

И он едва-едва осилил её, удержал на грани такой истерики, которая может что-то сломать в мозгу, стать эпилептическим припадком... Она всё ещё повторяя «они убьют, убьют нас, убьют!..», стала стихать. А он на каждое её «убьют» говорил, словно отбрасывая летящие в них камни:

– Нет, нет, я спасу тебя, спасу... Это *они* умрут, а мы – будем жить... Наэтэ, маленькая моя, девочка, солнышко моё неземное, – пожалуйста, успокойся, – пожалуйста, ты со мной, со мной, и я тебя никому не отдам... Успокойся, успокойся, – пожалуйста, миленькая, хорошая моя...

Он осторожно перевернул её на бок, потом встал, подхватил на руки, усадил к себе на колени и, обняв крепко-крепко, держал, целовал, шептал ей:

– Наэтэ, я люблю тебя, я умру за тебя, – тихо, тихо!.. Всё будет хорошо, всё – вот увидишь...

Наконец, она смогла что-то сказать – с трудом слова выходили из неё:

– Я лю-б-лю те-бя..., не-не-не б-бр-о-сай меня, па-па-па-жалуйста...

Он уже опять плакал.

– Что ты, Наэтэ, что ты, нет, нет, не говори никогда этого, не говори, – я не брошу тебя, что ты, миленькая...

И... она начала засыпать. У него на коленях, роняя голову и вспугиваясь, словно боялась заснуть, боялась, что «они» придут за нею, когда она будет спать...

– Они не убьют нас? – уже тихо, на грани сознания спросила она.

– Нет, нет, моя девочка, – нет!..

И она отключилась у него на коленях, в его руках. Он некоторое время держал её, целовал, целовал, гладил. И шептал ей, в неё:

– Спи, моя хорошая, спи, успокойся, всё будет хорошо, – а сам ронял и ронял слёзы.

Наконец, он её уложил, как есть – в халате и платье, на пустой диван, и хотел было пойти за подушками и поднять с пола плед, чтобы укрыть её, как она встрепенулась, открыла глаза и стала искать его руками:

– Нет, нет, не уходи, ляжь со мной, не оставляй меня..., пожалуйста...

И он тоже, в чём был – в рубашке и брюках, лёг рядом с нею, а она повернулась к нему лицом, и он – к ней, и так дыша ему в губы почти, опять быстро отключилась...

Всё бешено колотилось у него внутри... Наконец, молот сердца стал бить его реже, реже... И он не заметил, как сам отключился, обняв Наэтэ...

Среди ночи его разбудил её страшный крик, даже визг – она, вскочив, сидела на диване рядом с ним, и жутко кричала, закрыв лицо руками.

– Наэтэ! Наэтэ!! – он мгновенно сам перешёл на крик...
Она, отняв руки от лица и открыв рот, часто дышала.
– Мама, мама, – повторяла она... Потом посмотрела на него.
– Анрэи, – и громко заплакала, – мне приснилось! Мне приснилось!
– Наэтэ, миленькая, – он тоже сел, начал целовать её губы, едва их касаясь, глаза, гладить волосы, – ты здесь, ты у меня, я с тобой, с тобой... Успокойся, всё хорошо...
– Мне приснилось, – уже тихо говорила она...
Они снова легли, как лежали, повернувшись друг к другу лицом...

Глава 5. Соблазнение соблазнённого

Анрэи проснулся от того, что в своём сне он был с Наэтэ, – как будто они где-то в другой жизни совсем, где много глубокого голубого света неба, зелени, которая на этом фоне была такой яркой, как в раю, наверное, – и Наэтэ смеётся и завлекает его, она в светло-светло-голубой тунике, которая на фоне тёмно-тёмно-голубого неба кажется почти нежно-серебряной, а её светлые русые волосы – почти золотыми... И они обнимаются, и он не может сдержать желание... И вот, проснулся – от этой невозможности «сдержать желание». «О, Боже, – как юнец, – только и подумал он. – Наэтэ, ты у меня уже и во сне, а не только наяву...». Они лежали уже по-другому на его чудном, скрипевшем всеми пружинами, диване – она к нему спиной, его лицо в её волосах, – лежали, прижавшись друг к другу – где у него «впуклость», живот, там у неё «выпуклость»... Она крепко и тихо спала... Он минуту, наверное, боялся пошелохнуться, потом почти резко встал... Посмотрел на спящую Наэтэ... Её бёдра, защищённые надёжно его халатом, высились холмом, который до сладкой боли хотелось обнять, целовать, взобраться на него – как на настоящий холм, усыпанный цветами, и в травах, – там упасть и пропасть...

А ноги её почти выправились из халата и, наверное, мёрзли... Он собрал с пола закомканый плед и – почти с сожалением – накрыл Наэтэ, включая её ноги, по самый подбородок, и руки накрыл – они лежали спокойно, расслабленно, так спят не ведающие страха, верящие, что защита абсолютна, и с ними ничего не может случиться. Никогда... У него дрогнули глаза, и он скорее-скорее в душ, переодеваться... Наэтэ его вчера так заводила, – он этого будто и не замечал, а теперь вот... Эротический сон.

Было утро, но было ещё темно... Когда он принимал душ, то обратил внимание – впервые, наверное – на то, какая убогая и грязная здесь ванна. Хотя он не любил грязных ванн, и эту он чистил со тщанием дня три назад. Но сколько ни чисти сантехнику в этих старых, на скорую руку сложенных «кирпичках», всё одно: ржавые пятна, тёмные разводы, выщербины, и вообще – потолок в ванной жутко грязный. Он этого до сегодня не замечал, – теперь он представил, как Наэтэ здесь будет мыться... Болезненно поморщился.., но что он может сделать? Вот сейчас, сегодня?... Вымывшись, он отрыл в платяном шкафу другой свой халат – лёгкий, «пижамный», с целью опять забраться к Наэтэ под плед. Про подушки он подумал сразу, как встал, – но не знал, как подсунуть подушку под голову Наэтэ, чтоб не разбудить, – и решил: «будем пока так». Затем убрал с паласа разбросанные ими вещи – куртку, буцы свои, «принцессыны ботинки» – он поцеловал каждый в носочек, каблук, – колготки Наэтэ... И начал беспокоиться, что слишком долго он без Наэтэ, забрался к ней под плед и прижался всем телом, и затих, пытаясь услышать её дыхание... Чуть не испугался до смерти, что она – не дышит, но потом понял – дышит, совсем почти незаметно, тёплая-тёплая стала под пледом, – даже сквозь платье, которое не сняла, и его увесистый халат от неё шло такое тепло, что хотелось потрогать его руками... Он пригрелся и не заметил, как снова уснул. В ожидании праздника, – как в детстве – перед своим днём рождения...

...Второй раз, когда Анрэи проснулся, его ослепил свет дня, которым было лицо Наэтэ, и он утонул в её волосах, а она, склонившись над ним, смотрела, смотрела на него, легонько шмыгая носом, – да она лежала на нём! Её губы, ставшие снова чуть полнее и намного ярче, слегка-слегка подрагивали. Она была уже без халата, а только в своём платице, и сверху их обоих укрывал плед... Её тяжесть настолько была приятной.., – грудь, которая прижималась к его груди, ключицам, и «высилась» над взором, была так волнующе близка, что он мгновенно – с места в карьер – задышал глубоко и судорожно.

– Наэтэ!.. Наэтэ! – он тихо молился. Не говорил.

– Анрэи, Анрэи, – она улыбалась, улыбалась! – сквозь слёзы, готовые опять выпасть из её влажных сияющих глаз.

– Я тебя разбудила? Я тяжёлая, – да?

– Нет, ты лёгкая..., ты, как песчинка, – нет, пушинка, – нет, ворсинка пушинки...

Она заулыбалась, почти засмеялась! – чуть закусив нижнюю губу.

– Не ври, врунишка, – я тебя задавлю..., – нежно и ласково она улыбалась всем лицом.

– Ты улыбаешься, Наэтэ, – ты улыбаешься!

– Потому что *ты* у меня есть...

Он замкнул вокруг неё руки:

– Я тебя захватил и украл.

Она положила свою голову – щекой – на его лицо. Такой аромат исходило её лицо, какой бывает, наверное, только в раю, который ему приснился, и где была она же.

– Неправда, – сказала она, и то, как она говорит «внутри», там, за её же щекой, он будто слышал ушами, – это я тебя украла. У тех, кто раньше украл тебя у меня...

Она снова подняла лицо над его глазами.

– Я вернула то, что мне принадлежит. Всегда было моим.

И смотрела, смотрела на него – любовно и безотрывно. А он так же – на неё. Веря, что это она, но не веря, что это он.

– Я первый вернул то, что мне принадлежит, – его глаза лучились мокрым.

– Нет, я первая, – и её глаза тоже лучились, и тоже мокрым.

Праздник, в предвкушении которого они спали эту ночь, начинался...

Наэтэ решила встать. Она уже улыбалась – без горького излома на губах. И в какой-то миг из её глаз «вышло» такое сияние радости, пока ещё «украдкой» почти, что Анрэи потерял дух, дыхание. Ей нужно было перебраться через него, и она, сев рядом, перебросила через его грудь свои тяжёлые ноги – её бедро прямо у его подбородка.

– Ой, задавишь, – придушенно засмеялся он, – а сам начал гладить её ногу, и спину. Которую она выгнула, вздохнув с истомой.

– Тебе нравятся мои ноги? – почему-то спросила она, глядя на него сверху, как хозяйка волшебного мира.

– О, да!

– Целуй их! – и придвинула для поцелуя своё божественное левое бедро, потом вдруг ловко перебралась через него, вскочила во весь рост, рядом с диваном, и засмеялась – шалунья.

– Наэтэ, ты убегаешь, – он потянул к ней руки.

– А ты догони! – она, смеясь, встала на колени, наклонилась, закрыв его волосами, и припала к его губам своими. Губы их крест-накрест встретились, лица также... Потом опять вскочила. Он не выдержал, поднялся, сел на диване.

– Наэтэ, ты меня сводишь с ума, – он жаловался, ей же. – Если я свихнусь, то ты же меня и бросишь...

Она засмеялась – сомкнутыми губами, и это так было прекрасно, – ни один художник не смог бы передать эту чудотворную игру на лице Наэтэ. Её смех и улыбка были одновременно и влекущие, и детские, – уголки губ её в этой игре чувств открывали её всю, по-детски светлую, наивную, радостную, игривую... «Такие, наверное, ангелы – так им хорошо в небесных сферах, как она смеётся», – подумал Анрэи.

И тут она сказала, как воспитательница в детсаду детям:

– Анрэи, я хочу в душ. У тебя есть что-нибудь вместо моего платья?

И опять засмеялась – влекуще и по-детски...

Он тоже засмеялся такой постановке вопроса.

– У меня вместо твоего платья есть какие-нибудь штаны...

Она снова засмеялась, и, «напав» на него, уронила на диван, придавив его голову грудью, и сказала:

– Я буду тебя мучить, пока ты не дашь мне свою рубаху...

Он приобнял её со спины, руки его задрожали. Он целовал её – изнутри неё...

– А-а! – хитрый какой, – она села на коленях на диване – рядом с ним – и взмолилась:

– Анрэи, пожалуйста, дай мне скорее что-нибудь, мне так надоело это платье! Я хочу твою рубашу, немедленно!.. И хочу быть чистой!..

Последнюю фразу она говорила уже, как хозяйка волшебного мира, где он вдруг оказался.

– Я приказываю тебе! – заявила она строго. И опять засмеялась...

Пока она мылась, он перерыл все свои вещи, пытаясь что-то найти для неё, и переживая, стыдясь за ванну. Вот сейчас выйдет и посмотрит на него другими глазами. Вроде как в дворничью попала. А думала – к принцу.

Наконец, он нашёл лёгкую, довольно широкую и длинную, почти белую, в мелкую светло-коричневую полоску, рубашу – из дареных ему на последний день рождения всё теми же родителями... Подойдя к двери ванной, он увидел, что она не закрыта изнутри. Он тихонько открыл её. Наэтэ стояла на коленках за полупрозрачной шторкой ванны и плескалась... Он, протянув руку, положил рубашу на стиральную машинку, стоявшую одним боком впритык к ванне, а другим – почти впритык к двери. Снова прикрыв эту дверь за собой, пошёл на кухню, чтобы, пока Наэтэ плещется, сварить кофе и хоть яйца всмятку, – что ли... «Сварить кофе» – громко сказано, – воду вскипятить для растворимого. Особых «разносолов» у него нет, есть кое-какие «запасы» – всё такое примитивное, «босаяцкое». Лапша, тушёнка, яйца..., ну, пельмени замороженные в холодильнике. Да и всё, в общем.

Он был охвачен не то что «нетерпением», а чем-то похожим на лихорадку. Яйца на газе у него переварились, а чайник он раза три включал... Выключив газ под переваренными яйцами, он обернулся и... Перед ним стояла Наэтэ – в его рубаше, надетой на мокрое тело, – волосы мокрые, совсем без объёма, «обнажили» её лицо и глаза, сделав их фантастически влекущими. Как проступили «из воздуха» истинные черты прекрасного – не лица даже, а лика Наэтэ. Она смотрела на него как-то таинственно-серьёзно... Рубашка прилипла к её мокрой груди, и, словно, не скрывала, а тоже – обнажала её. Полы рубашки едва прикрывали её «интимности», она была босая...

Он подошёл к ней – в своём лёгком халате, – тоже босый, кстати. Положил ладони ей на ключицы, получилось и на грудь, – ласково, осторожно. Выражение лица её не поменялось, глаза смотрели не на него, а, скорее, «вовнутрь», носик её слегка пошмыгивал, дыхание было немного сбивчивым, а тело чуть подрагивало. Он стал прикасаться губами к её лицу, глазам, мокрым волосам... Вдруг она обняла его за шею, и близко-близко её губы оказались у его губ... Он обнял её спину, и стал целовать в губы... Она начала отвечать ему... И с каждым поцелуем его желание становилось нестерпимей. И он уже переставал владеть собой... И повторял, когда не целовал, – «Наэтэ, Наэтэ, Наэтэ...».

Она только раз сказала:

– Анрэи, – вся прильнув к нему.

Затем она развела полы его халата, занесла колено... Спросила:

– Удержишь меня? – почти, как на экзамене.

И – не дождавшись ответа – повисла на нём, обхватив руками шею, а ногами – поясницу, так что он чуть пошатнулся – из-за её тяжести... Она вскрикнула и начала судорожно дышать:

– Ах! Ах!.. Анрэи! Анрэи!..

Они привалились к стене, и он устоял. Она так крепко его обнимала, а он – держал... И так быстро, показалось ему, он отдаёт ей всё, что стал сдерживаться... Она, похоже, и сама так чувствовала, но как они ни старались «потянуть», а крикнули от прошившего их «разряда» довольно скоро, неожиданно, почти разом... Она так сжала его, и так стала всем телом «дышать» через нос, а потом вскрикивать и стонать, целовать, целовать его..., с трудом выговаривая и тут же «глотаю» его имя, которое ему дала:

– «нрэи, «нрэи...

– Наэтэ, Наэтэ...

Она висла на нём, не желая отпускать из своих рук, ног... Он уже не мог стоять, стал оползать... на пол, с нею, потом растянулся на полу, – она оставалась «сидеть» в его средокрестье..., вытянув по нему ноги, отклонившись и оперевшись на руки..., резко вздыхала – то носом, то ртом, постанывала, и:

– Ах! Ах!..

Он закусил губу, понял, что сейчас заревёт белугой – от благодарности какой-то...

– Будь во мне, пожалуйста..., – сказала она, с трудом перебивая своё же дыхание, – не уходи, не бросай меня...

Согнув ноги в коленях, она поставила ступни на стигы его локтей – вся открылась ему... Пуговицы на его рубаше, которая была на ней, отлетели, видимо..., и он не в силах был оторвать от неё глаз. Руки его были прижаты её ногами к полу, и вот так, «стреноженный», он готов был умереть в ней, под ней – как угодно, – лишь бы не «бросать» её... Наконец, он поднялся, сев, – она не отпускала его... Кое-как они всё же встали, и он присел на табурет, а она осталась у него на коленях, лицом к нему, вся вжавшись в него, продолжая обнимать, и он её обнимал также крепко... Так они сидели ещё долго, не желая верить, что их страсть требует некоторого перерыва, всё-таки...

Так «просто» всё получилось, показалось Анрэи...

– Ты мой, – Наэтэ всё ещё резко и глубоко вздыхала и постанывала. – Ты мой, мой...

У него всё занемело... Он улыбнулся, и попытался встать – с нею вместе, и не смог. Она засмеялась:

– А говорил, выдержишь!

– И выдержу! – упрямылся он...

Кое-как они встали, но стояли всё равно, обнявшись...

– Ну, вот – опять в душ, – сказала Наэтэ. Чур, я первая...

– Можно помочь тебе мыться?

Она засмеялась, а потом её глаза дрогнули от слёз опять.

– Сегодня нет.

– Хотя бы под дверью постоять, – он серьёзно не хотел отпускать её.

– Ну, ладно, – милостиво разрешила она.

Она опять плескалась, а он её звал и звал:

– Наэтэ, ты скоро?..

– Нет, не скоро, – дразнила она его.

Потом он вдруг замолк. Она уже вытиралась. Прислушалась, – тишина. Открыла дверь, и хотела – как есть – голая шагнуть и броситься в комнату – где он?! И... занёсши ногу, увидела, что он стоит на коленях, прижавшись лбом к полу.

Она рассмеялась.

– Анрэи, что ты делаешь?

– Молюсь.

– Кому?

– Тебе!

Она рассмеялась ещё больше. И так стояла, смеясь.

– Анрэи, перестань, – ну-ка поднимись! А то я наступлю тебе на голову.

– Наступай!

Она поставила на его затылок и темя свою голую ступню, удерживая ногу на весу.

– Наступила!

И не могла опять сдержать смеха.

– Нет, не наступила, только прикидываешься.

Она:

– Ну пожалуйста, встань!

И, нагнувшись над ним, стала тянуть его вверх, за плечи... Он вдруг легко встал, и увидел её... И обомлел. Опять. И сказал:

– Наэтэ, я люблю тебя.

У неё задрожали губы, она заплакала и бросилась ему на шею...

Он взял её – голую – на руки, принёс в комнату, посадил на диван, – встал перед нею на колени, и – держа свои ладони на её коленях – смотрел, смотрел на неё. Она опять шмыгала носом – от слёз ли, или оттого, что уже замёрзла, и позволяла себя купать – ему, в его же глазах...

Он почувствовал, что ей холодно... И снова обернул её в свой тёплый халат... А она не хотела отпускать его в душ, от себя – так же, как он её...

Глава 6. Страсть без конца

...В следующий раз она отпустила его в душ с условием, что он вернётся не только чистым, но и со свежими силами, а она нагреет собою «шалаш» – это был теперь диван, правильно застланный, с простынью и подушками. Одеяло она не захотела – сказала, что у них теперь будет «их плед», и больше ничего. Плед, которым он её укрывал, когда привёз. И она забралась под этот плед с головой и кричала из этого «шалаша» – каждую минуту – ему в ванную:

– Считаю до одного! Кто не успел, того в шалаш не пущу! Раз!!!

Он смеялся, его смех рассыпался в плеске воды, и кричал ей в ответ:

– Наэтэ! Я тебя люблю!!

Она снова:

– Считаю до одного! Раз!!

А он:

– Я люблю Наэтэ!! Ура!!!

– ...Раз!

– Да здравствует Наэтэ, товарищи!!

– Раз!..

Когда он подбежал и стал отворачивать угол пледа, чтобы забраться туда, она высунула голову и руки, и – улыбаясь игриво и лукаво – вытянула руки повдоль себя сверху пледа, обтянув им всю свою фигуру. Анрэи закусил губу – так эта фигура ему нравилась, и так он хотел к этой фигуре под плед...

– Всё, – смеялась она, – ты уже пять раз не будешь со мной спать!.. Растяпа!

И он – со «свежими силами» – «напал» на неё, и стал целовать, целовать – губы, глаза, грудь, укрытую пледом, а она – прижимать его к себе.

– Ладно, – наконец, сказала она, – будешь должен мне пять раз, – и заулыбалась счастливо и смешливо, а он уже со страстью стал целовать её в губы, подбородок, шею... И она отпахнула край пледа...

Она же его лишила на «пять раз» себя, и он же ей ещё и остался должен... – «пять раз». Женская логика, от которой у Анрэи в теле начинался пароксизм. Желания.

...Поздно вечером на второй или четвёртый, или где-то так, день они вдруг поняли, что им осталось жить минут пять, если они чего-нибудь не съедят, не выпьют воды... Наэтэ долго и тяжело «отдыхивалась», а он лежал глазами на её груди – открытыми, чтобы не только «видеть», но и «чувствовать» её грудь «зеркалом глаз», – так он ей сказал. Ещё он ей говорил: «Мои глаза хотят в твою грудь – посмотреть на мир твоего сердца открытым взором»... Она смеялась и вжимала его голову глазами в грудь, чтобы лучше чувствовать «открытые взоры»...

– Ты должен мне пять тысяч миллионов миллиардов раз, – заявила она ему, дыша неровно, – только дай мне попить, я сейчас умру...

Она высвободила его голову с глазами от соблазнов, приподнялась на руках – над ним, – нет, не для того, чтобы опять соблазнить, а просто, чтобы посмотреть на его глаза, как они там? И тут же его руки захватили её спину, и не пускали.

– Анрэи, мне кажется, что мы сошли с ума...

Голос её мелко дрожал – как от холода. Но не от холода, а от усталости и не отпускающего их обоих вожделения. Он стал «подтягивать» её к себе опять, чтобы целовать в грудь, и не выдержал – засмеялся. И она – засмеялась и упала на него. Грудью. В глаза. О, Боже!.. Но смех им обоим дал ещё маленько сил... Она вынуждена была освободить его из-под себя, чтобы видеть, как он смеётся.

– Наэтэ, ты гениально сказала – «мне кажется, что мы сошли с ума», – никто до тебя ещё так не «формулировал», даже Шекспир. Ха-ха-ха.

Она капризно-обиженно посмотрела на него:

– Не смейся, а том не дам глазеть! – и сама засмеялась опять...

Но всё обстояло очень серьёзно, ещё немного, и они потеряли бы сознание – от изнеможения, от жажды и голода... Нет, скорее от любви... Оба начали сползать с дивана разом. И поскольку сил встать на две ноги у них не было, они поползли к воде и пище на четвереньках... И ещё Анрэи умудрился отстать, и целовать Наэтэ «куда попало».

– Анрэи! – она смеялась в изнеможении, опустив голову, так как шея уже не держала её, и волосы рассыпались по паласу, – Анрэи, – я сяду на тебя сверху, ты упадёшь и разобьёшь себе нос! Ха-ха-ха...

– Я мечтаю, чтоб так было, – сказал он ей прямо в левую ягодицу...

– М-м-м, – она застонала, они никогда не доберутся до еды и воды!

Но они всё-таки добрались – почти ползком – до кухни, благо, что «ход» туда был прямо из комнаты. Там они долго отдыхали, сидя на коленях, и он опять смотрел и смотрел на неё, на её спутанные волосы, на то, как она дышит носом, на сомкнутые, влекущие в рай, губы, и понял: сейчас они отключатся и уже не включатся. Никогда. Он поднялся с дрожащих колен, налил ей в стакан воды, ещё труднее было снова присесть на колени – ноги дрожали не по-детски – и поднести стакан к её губам...

Напившись воды, они, наконец, нашли в себе силы подняться и даже надеть на себя – она его рубашку, а он – свой халат... Как сомнамбулы, они в четыре руки варили лапшу, забыв посолить воду, и затем смешали её с тушёнкой... Ели из одной – одноразовой – большой тарелки, потому что он усадил её к себе на колени, – как им это удавалось, не понятно... Но как-то поели. Все коленки Наэтэ были в лапше, и вот так, сидя, они начали засыпать. Как дошли до своего «шалаша», забрались под плед, оба потом не могли вспомнить. Между прочим, на улице стояла ночь уже, и квартирка Анрэи освещалась только бликами уличных фонарей, – они опять забыли про электрический свет...

И ни разу не вспомнили ни о ком и ни о чём... Спали они после этого ужина очень долго – как сурки зимой...

Проснулись – ближе к полудню, Наэтэ опять «немножко первая»... И сразу же она улеглась на Анрэи – её лицо над его лицом – и стала смотреть на него. И Анрэи опять, проснувшись, увидел сияющий дневной свет – лицо Наэтэ... А в комнате и правда было светло-светло, на улице снова выпал белый-белый снег... Но всем этим была Наэтэ...

– Ты сказка, – сказал он первое, что пришло в голову.

У Наэтэ дрогнули губы, и она опять опустила своё лицо – щекой – на его нос.

– А ты – герой этой сказки, – ответила она.

И он опять слышал, как голос Наэтэ «звучит внутри неё»... И опять обнял её.

– Я хочу каждый день так просыпаться, – видеть твоё лицо, «прежде всех век», – прошептал он ей в щёку, – получилось не очень внятно, но она услышала.

– Так и будет, – сказала. – Как ты хочешь, – и улыбнулась, и, приподнявшись, опять смотрела на него, и светлая улыбка не сходила с её губ...

Встав, они утолили, наконец, со второй попытки, свой голод, и были поражены, насколько это вкусно – несолёная лапша с тушёнкой... У них начался жор. Наэтэ затребовала пельмени. И они варили их, и ели, пока не объелись вконец, как изголодавшиеся пустынные львы... Анрэи, не в силах оторвать глаз от её рта – как она ест, – иногда промахивался вилкой с пельменем по своему рту... Она смеялась с него... Им было необыкновенно хорошо. Всё было в такт с ними – весь окружающий их мирок Анрэивской квартирки. С её старенькой мебелиро-

вочкой – кухонным гарнитурчиком и прочими табуретами с диваном – из прошлого, неизбавленного особым комфортом, времени.

– Ты права, – сказал он ей, – мы сошли с ума и едим пельмени.

Наэтэ смеялась. Лицо её совсем покинула напряжённая судорога, не дававшая ей смеяться ещё несколько дней назад.

– А нормальные даже не знают, что счастье – это именно это, – высказала она очередную максиму.

– О, да, – *это* именно это, а не это, – смеялся он, слегка дразня её.

Смешинки ели, а не пельмени...

– Ты у нас какой-то смешильщик, – говорила она, сама его смешала...

Они дурачились, а он не мог отделаться от мысли, что среди затюханной мебелишки – ну как в машинёшке, которая их везла сюда – происходит Чудо, – оно сидит на табуреточке, застеленной полотенчиком, оно блистает в его рубашке, оно смеётся его шуточкам – сомкнутыми и до боли красивыми губами, и он до конца не может поверить в него, так как кто-то когда-то сказал, что «чудес не бывает».

Наэтэ блистала. Запросто так. И знала, что блистает, по его глазам знала. И ей это не составляло никакого труда – никаких нарядов и косметики, никаких конкурсов красоты... Она просто на Седьмом Небе, где она-звезда сияет, и где ей и положено сиять «по статусу». Седьмое Небо – это как раз её дом, – здарсьте, проходите, гости дорогие. И где она блуждала до этого момента? – блуждающая звезда...

Они погружались и погружались на глубину. Своей страсти. И дна у этой глубины не было. То, что могло показаться дном, оказывалось крышкой. Или это была высота, а не глубина?

...Звезда опять и опять сияла ему под пледом...

В пароксизме страсти она кричала, открыв свой прекрасный рот полностью, – кричала его лицу, и потом прикусывала его. Визжала даже... Он был потрясён этим, и так этого стал жаждать, что начинал истощать себя, или, лучше сказать, источать из себя все силы, чтобы чаще доводить её до исступления... Ещё она долго отходила от оргазма, словно бы не она хотела его продлить, а он сам её не пускал, так она ему нравилась – оргазму, то есть. И Анрэи тоже – до колик в глазах. Потому что он любил смотреть на её лицо в эти минуты, как оно «задыхается» от истомы, как меняется, мгновенно, становясь то хищным почти, то нежно-влекущим, и остаётся в каждый из этих моментов прекрасным. Настолько, что его глаза начинали предательски «мироточить» – от любви к ней, от того, что она у него есть. Он говорил ей – под пледом:

– Пусть твоя грудь живёт в моих глазах... вместо глаз.

А она:

– *Мои* глаза, – это про *его* глаза, – что хочу с ними, то и делаю. Захочу – плюну...

И пускала, смеясь, со своих губ слюнку – прямо в его зрачки – и «выцеловывала» их... Ему нравилось всё в ней – и как она пахнет, и какая она «на вкус», – всё в её теле... Когда он дышал ею и ощущал её «на вкус», он, словно, общался с богами, пьянея, как древние арии, пившие свою сурью, чтобы открылись чакры...

Это длилось без разбору – днём, ночью... Однажды, когда в момент «пароксизма» Наэтэ кричала, как «в ужасе» – ему в рот, в глаза, – она захватила зубами его подбородок, щёку и укусила так сильно, что «хрустнула» челюсть. Челюсть осталась целой, слава Богу, но щёку возле носа она ему прокусила... У него обильно пошла кровь... Она вымазала лицо в его кровь, губами стала её высасывать, потом лизать языком укушенное место... Дышала судорожно, постанывая, целовала и зализывала, целовала и зализывала рану...

– Анрэи, прости, прости меня, – с трудом, сквозь свои дыхательные «судороги» произносила она, – прости меня, миленький...

И ещё плакать начала.

Слаще боли он не знал...

А она повторяла и повторяла, медленно отходя от «пароксизма»:

– Прости, пожалуйста, прости, – дышала в него, и зализывала, зализывала ранку, – так что кровь перестала течь, как будто слюна у неё ещё и целебная.

– Ну, хочешь, – она просила и просила прощения – плача и вздыхая, – ударь меня, накажи меня...

– Что ты, миленькая, что ты говоришь!.. Мне проще с девятого этажа спрыгнуть... чем... тебя ударить... На!.. Выпей мою кровь... На! – пожалуйста!.. Я хочу быть в тебе...

– Нет, нет, – говорила она, дыша, как после тяжёлого бега, в гору, – а как же твои глаза?.. Как же я без них? – нет, нет... Я только маленько отопью, – это про его кровь, – она сладкая, любимая...

Они ещё долго уговонялись, пока опять не уснули, – то ли это был день, то ли ночь...

Проснулись – кажется, утро, она первая опять, и – уже по привычке – на него легла, и на лицо стала смотреть, закусывая губы и морщась, как от боли – как будто это он её покусал... И слёзы из её глаз стали падать на его лицо, и он от этого проснулся... И, увидев её страдающий лик, который в этой страдательной ломке показался ему опять фантастическим, он испугался:

– Наэтэ, миленькая, – что? что?

И взял её голову в свои руки, и потянулся с поцелуем к её губам, и стал уже целовать, как боль от ранки на лице сильно кольнула, даже на пол-лица выстрелила, даже до гортани и уха достало... Она стала плакать, хныкая, – по-настоящему, но и чуть игриво:

– Как же я буду тебя целовать изо всей силы?.. Анрэи, миленький...

И неожиданно перестав плакать:

– Тебе больно, больно?..

Он улыбнулся через боль:

– Нет, мне сладко... Ты совсем маленько откусила, – я тебе не нравлюсь?

И она засмеялась, и обняла его – голову с покусанным лицом – крепко-крепко, и, кувыркнувшись, заставила его «положиться» на себя, на кусающуюся звезду по имени «Счастье»... И всё у них продолжалось, – правда, с некоторыми – эх! – предосторожностями и неудобствами из-за раны на лице Анрэи... Наэтэ дула-дула на рану, целовала-целовала, лизала-лизала её, и правда – рана стала поразительно быстро «забываться», переставать о себе напоминать... Анрэи гордился ею, как орденом, а Наэтэ – смеялась.

Не было ни одного мига с Наэтэ, который бы Анрэи не мог назвать «счастьем»... Он был на Седьмом Небе от счастья – там же, где и Наэтэ, – у Наэтэ «в гостях».

Так прошло сколько-то дней и ночей – сколько, никто не знает. Пока они не съели все «стратегические» запасы Анрэи, которые он пополнял дважды в месяц, в аванс и получку, – лапшу, тушёнку, пельмени. Только воды маленько оставалось в кране. Чуть-чуть.

И однажды они, «намиловавшись» в очередной раз под пледом до полного изнеможения, голодные, как степные волки, обнаружили ни маковой росинки во рту холодильника и во чреве кухонной тумбы. Даже соль, и та кончилась... И так были поражены этой несправедливостью, что Наэтэ огорчилась, и смешно скусила своё мадонное личико: «Ну, вот... Не могут оставить людей в покое – хоть на неделю... месяц... год, хотя бы...». По её лицу было видно, что она высчитывала приемлемый для неё срок, на который все должны оставить их с Анрэи в покое... То есть, чтобы не было такого – раз, и еда кончилась... Что за шутки?

Анрэи тоже «огорчился». Он подумал: «Эх, – придётся-таки дойти до магазина, – истратить последнюю штуку денег, которые у него оставались до получки, которую он не получил, потому, что.., – ему стало счастливо и куражно весело, – потому что Наэтэ, – вот!». На самом деле ему очень не хотелось от неё «отлипаться» хотя бы и на двадцать минут. Ну совсем было

вломы. Это как если бы вас заставили догола раздеться и заново одеться на лютой стуже. Зачем? Что за дела?..

Так они изумлённо и обиженно молчали некоторое время. На кухне. Наэтэ, сидя – руки на коленках, а Анрэи – стоя, держась за нос: «Н-да, чёрт...». Наконец, он сказал, вздохнув:

– Придётся идти...

Наэтэ встрепелась, и с тревогой посмотрела на него.

– Анрэи! – и глаза её потемнели, стали молящими, вот-вот потекут. – Не ходи! Никуда не надо ходить! Пожалуйста!

Всё, сейчас заплачет, и вернётся её страх, – Анрэи бросился перед ней на колени, положил голову в её ноги, поцеловал в место, откуда они «растут», и прямо туда, в её темнеющую под его рубашкой глубину стал говорить – нежно, – горячо дыша:

– Наэтэ, миленькая, я всего на двадцать минут.

– Нет! Нет! – она положила руки на уткнувшуюся в неё его голову и стала гладить её и начала «заплакивать»:

– Нет!.. Я не пушу тебя никуда!

У Анрэи тоже глаза «замироточили», и он шептал ей под живот:

– Видишь, нас никто не может найти, – я быстро, мы же с голоду умрём.

– Пусть, пусть, – говорила она, – я не отпускаю тебя, вот так вот лежи, как лежишь...

И пусть мы умрём с голоду...

Но сама поняла, что это возможно, но не желательно... Совсем стала плакать и спрашивать:

– На сколько минут?

– Двадцать.

– Это слишком долго...

Она уже плакала горюче, шмыгала носом, её живот ходил ходуном:

– Я умру от одиночества... Ты придёшь, а я мёртвая... Я пойду с тобой...

– Наэтэ, миленькая, – тебе нельзя, ты слишком стройная..., тебя заметят те, кто увидит...

И ты совсем раздетая...

– Двадцать минут..., – её лицо исказилось рыдательной мукой, – двадцать минут... За это время может кончиться жизнь...

Он поднялся, взял её плачущую с табуретки на руки, отнёс в комнату, сел на диван, усадив её к себе на колени – как тогда, когда с нею началась истерика, – стал нежно гладить её волосы, целовать, успокаивать.

– Тихо, тихо... Ничего не случится... Я просто принесу нам еду..., и мы сможем ещё несколько дней ни о чём не думать...

Она, закусив губу, постепенно перестала плакать, прижав его голову к груди. Она понимала, что он прав... И что пусть будет хотя бы ещё несколько дней... А потом... пусть будет то, что будет...

Только он закрыл дверь на оба ключа и оказался на лестничной клетке, только сделал один шаг, как его захватила тревога: как она там?

И он с ужасом осознал, что значит вдруг оказаться без неё, хотя бы на миг, одному, – шагая вниз по ступенькам пустого подъезда, в котором он, почему-то, никогда ни с кем не встречался – пару раз только, с людьми неопределённого возраста и лицами без выражения, как матерчатая накладка, – удаляясь с каждым этажом безмерно, безмерно! от Наэтэ, от того солнечного мира, который – он испугался – станет вдруг недостижимым, станет «потерянным раем»!.. «Нет-нет», – его сердце начало трепыхаться, как при аритмии, и он не мог ничего с этим сделать... Споткнулся и чуть не упал на лестнице...

Выйдя на улицу, ступив на затоптанный, полузамороженный, серый, сросшийся с серым асфальтом, снег, он поразился тому, как холодно, хотя температура ниже минуса десяти ещё

не опускалась... Поразились унылому двору с колкими ветвями голых деревьев, росших вокруг бывшей детской площадки. «Бывшей» – потому что «где дети, играющие сами по себе?», как это было в его детстве... Он ещё никогда их здесь не видел. Но зато часть площадки – под деревьями – занимали машины, днём их всегда было пять-шесть, вечером больше. «Машины вместо детей», – всегда думал Анрэи, проходя мимо них... Окраинный городской проспект, на который он вышел, чтобы дойти до супермаркета, показался ему страшно сиротливым, словно бы существование этой части города лишилось цели, и люди ему навстречу двигались по инерции, – в никуда, но по прямой... У них не было лиц, они шли без лиц, потушив их свет и пряча глаза, словно бы не хотели видеть ничего вокруг. «Не на что глаз положить, и не на кого», – думал Анрэи... Кусок проспекта, по которому он шёл против не то, чтобы сильно уж холодного – скорее, злого ветра, был идеально прям и уставлен одинаковыми серыми коробками древних пятиэтажек, – как старыми детскими запylёнными кубиками. А сзади – кичливо и неуместно – высился огромный пузатый и блестящий светопроницаемым стеклянным фасадом деловой центр. Он не вносил разнообразия, красоты, осмысленности в эту «поляну» из посеревших уже от времени кубиков-домов, – он был, как огромный сфинкс посреди поля какой-то битвы, бывшей давно, в истории, а не в сегодняшней эпохе, – поля, где разбросаны поглodанные и посохлые кости – людей и животных. Сфинкс – не настоящий, не загадочный... Просто кто-то чужой, не знакомый с местностью, и вообще не с Земли, воткнул этот блестящий куб, не особо и раздумывая – *что* здесь есть и что тут было... Машин – много, и они мчатся в три ряда, словно скорый поезд мимо заброшенного полустанка, где раньше был город и вокзал, а сейчас холодные останки, и Анрэи – почему-то среди них... «Машины, машины.., – думал он, – и всё „секонд-хэнд“, – подержанные „ино“, пропахшие чужим потом, и Бог его знает, чем ещё. Ничего своего!.. Зато люди в них, как жирафы – высокие в своих глазах, и которым „виднее“, а не понятнее... Хороший бизнес у Шипа! – лучше не бывает... Куда вы едете? – там ничего нет!...».

Ветер обжигал его влажные глаза, вышибая из них слёзы. «Наэтэ! Наэтэ!» – ударялось о клетку его сознания её имя, как вольная, красивая и крупная птица, залетевшая в ловушку и ломающая себе крылья, бьющаяся об сетку, пытающаяся вырваться... Зачем эти унылые домикоробки? Зачем эти тоскливые рекламные щиты вдоль дороги? – вся эта дешёвая избыточность с выверено-счастливыми улыбками лиц, – зачем, зачем? «Наэтэ! Наэтэ! – я сейчас, сейчас... Я вернусь к тебе, моё Седьмое Небо, моя любимая планета!.. Здесь всё мертво.., скорее, скорее – обратно, – скорее!»..

Когда он вернулся – быстро-быстро, – гружёный лапшой и тушёнкой, и стал открывать дверь, то услышал, как Наэтэ дышит – тяжело и часто – там, за дверью. У него потекли слёзы... Не успел он войти, она бросилась ему на шею, повисла, зажав его голыми коленями и ногами, со спины... Плакала, целовала, целовала... И не могла успокоиться. И он не мог... И казалось, что Кто-то, Кому они почему-то небезразличны, их опять спас. И поход Анрэи за лапшой не обернулся их гибелью... И он твёрдо решил, что не отпустит её, и не отступит от неё дальше, чем на расстояние вытянутой руки...

С этой лапшой и тушёнкой целая история приключилась у них потом.

Он ограничился именно таким «набором продуктов», так как это позволяло сэкономить деньги, растянуть еду на большее количество дней и не быть голодными. Когда он стал варить эту лапшу и мешать с тушёнкой, то Наэтэ постоянно ему «помогала»:

– Я буду тебя целовать, а ты – вари, – так она решила.

То есть, он рвёт пакет с лапшой, набирает воду в кастрюлю, а она – тесно прижавшись к нему, в его рубашке, другой одежды она не признавала, да её и не было – часто и истомно дыша, целует его глаза, губы, всё лицо, гладит голову... А он должен, вытянув за неё руки – за её тонкой талией и ниже, что вообще неопиcуемо, – заниматься лапшой, да ещё и как-то

вскрывать банку с тушёной... У него почти получалось..., или, лучше сказать, почти не получалось... Он целовал её, а руки... жили своей жизнью на её спине, бёдрах...

– Я же тебе помогаю, – да? – спрашивала она невинно, и коротко, аритмично дышала, носом...

– Ты не отвлекайся, – говорила она... – Скоро поедем и будем обниматься.

А сейчас они что делали?

У него в глазах постоянно стояла влага. Он хотел её, хотел... Ему казалось, ещё немного, и его разнесёт, как гранату, из которой выдернули чеку.

Как уж они это всё сварили, не понятно, но Наэтэ, наконец, постаралась внести и свою лепту в приготовление еды... Она сказала:

– Я буду раскладывать, а ты обнимай меня...

Он обнимал её со спины, она уже постанывала...

– Я же тебе не мешаю? – он её цитировал.

– Анрэи! – она и постанывала, и «дышала», и смеялась...

Наконец, разовые – большие и плоские – тоненькие тарелки, которых у Анрэи был склад, и они в основном ими и пользовались, были заполнены холмиками еды, или, лучше сказать, продовольствия – как на бивуаке, в армейском походе...

Анрэи уже ничего не хотел, кроме Наэтэ. Но она сказала:

– Анрэи, тебя нужно накормить, чтобы у тебя было больше сил, – мне нужно много, много любви... А если мы тебя не накормим, то мне не хватит...

Он, с одной стороны, вынужден был подчиниться, так как в её словах прослеживалась логика, а с другой – он вместо того, чтобы сесть за стол, на котором уже стояли искомые блюда с едой – «напал» на Наэтэ, целуя, обнимая её, шепча ей в глаза, в рот – страстно, невяжно:

– Любовь, любовь..., моя... любовь..., любовь...

Всё время – «любовь-любовь», остальное неясно...

И она теряла контроль – над собой и ситуацией... Он, обнимая и целуя её, подвинул их обоих к столу, а потом и «надвинул» на него Наэтэ – прямо на оба блюда с лапшой и мясом, ещё довольно горячими... Она только чуть вскрикнула:

– Ай!...

Но целоваться не перестала... Случайно обратив внимание на то, что он натворил, Анрэи обхватил её за талию, стащил с тарелок и со стола, и начал всю целовать и облизывать с неё лапшу, и говорить какую-то глупость, задыхаясь:

– Я..., я... тебя сейчас очищу...

Она уже не держала спину, уронила локти на стол, они подламывались...

До чего дошло.

Хорошая любовная игра, – называется «накормить Анрэи»... Потом – вымывшись и забыв одеть на себя хоть полотенца какие-то – они начали баловаться... Просто от голода, – они ж не поели, – кроме некоторых, особо ушлых облиз... Но и те утверждали, что им мало, ещё хочется... На полу кухни и на столе царствовала еда – правда, в разгромленном виде. Наэтэ, смеясь, начала «подъедать» прямо со стола – губами – всю эту лапшу, а он к ней присоединился, и они стучались лбами.

– Мы с тобой, как кошка с собакой, – говорила она, – лижем что ни попадя, что хозяйева уронили... Ха-ха-ха.

– Нет, – возражал он, – мы с тобой, как две морские акулы, пожираем ошметки чьей-то плоти...

Они додумались до полного извозюкивания своих лиц и волос, и оба поползли на опять четвереньках опять в ванную, не в силах идти – от смеха, и оттого, что изображали из себя фауну, а не прямоходящих. Там они вместе плескались под краном и гибким душем, отсти-

рывая друг другу «причёски»... Ласковое безумие длилось почти без перерывов, затянув их в свою бездонную тину. У Анрэи всё мышление стало носить «эротический характер», и было целиком заполнено Наэтэ. Все предметы, сам воздух его квартирки, были пропитаны этим сладким светом – Наэтэ. Всё вызывало желание близости с нею. Это не преувеличение, и не банальность – «я готов целовать следы твоих ног»...

Сладко намаившись, они – до глубокой ночи – любили лежать в своём «шалаше», на диване под пледом, и чтобы – он часто даже требовал этого – она лежала на нём, чтобы её лицо – над его лицом. У Наэтэ глаза – «светящиеся», это глаза-окна, через которые поступает свет. «*Вот* почему её лицо – день, – „догадался“ Анрэи, – и поэтому у них не бывает, как у всех, дней и ночей, а бывает только чередование дня и сна-небытия». Они могли так лежать бесконечно – целуясь, говоря друг с другом – нежно и бессвязно, плача время от времени от каких-то внезапно посетивших их мыслей, от того, что им хорошо. И мечтали о том, как они будут жить дальше – лёжа в «шалаше», как они никуда не будут ходить, «даже на три сантиметра»...

Он и забыл, что когда-то почитал свою квартирку «пяточком тоски», где он – за умеренную плату – в окружении старых, не отремонтированных стен, неродных запахов отбывал повинность под названием «жизнь»... Теперь это был дворец, в котором во всю силу своей красоты и всепоглощающего соблазна сияла Наэтэ, и он... готов был целовать её следы повсюду – всё, к чему она прикасалась... Каждый «след» казался ему отдельной залой, изукрашенной восхитительными фресками и лепниной, – как в золотом дворце царя Мидаса... Он ощущал себя Крезом, Лукуллом и «Лукойлом» одновременно, то есть человеком, богатство которого неисчерпаемо, и оно не «заработано», а даровано, словно перед ним открыли несметные кладовые и сказали: бери что и сколько хочешь, – всегда, вечно, без ограничений, ибо отныне – это всё твоё...

Глава 7. Выход в свет

Когда они увидели, что запасы лапши и тушёнки тают чересчур быстро, они стали отказывать себе в еде, «пропускать» обеды или ужины, терпя чувство голода от недоедания. Недоедания не столь катастрофического, как в Африке, но всё же... Им хотелось «выторговать» таким способом «побольше дней», отодвинуть неизбежность того, что нужно будет как-то определиться: что им делать, как существовать. Наэтэ – совершенно раздетая, ей не выйти никуда. Анрэи теперь – без работы, кто его там ждёт? Но главное – тень Шипа... По тому страху, который испытывала перед ним Наэтэ, Анрэи понял: он её ищет. Ищет со злобой, ищет если и не убить (за что?), то каким-то образом её сломать, «отыграться», растоптать, разорвать в куски её «само», изуродовать... Зачем ему это, Анрэи не понимал, но верил страху Наэтэ, верил её ужасу – «они питаются чужими жизнями»... Что за планы у него были на Наэтэ, которые она обрушила своим бегством? Что-то здесь было не так, и дело тут не в его, Шиповской, «любви». Какая любовь может быть у бандита, даже к такой красивой девушке?.. Похоть, да и только, да какие-то важные для него «расчёты», в которые она каким-то образом вписывалась, но не подозревала об этом... Это такие люди, у которых ты ни рубля ещё не взял, а уже должен. А если попал в их круг, и они ещё дали тебе *денег* – хотя бы и за работу... Да ну всё – ходи-бойся, тёрки три, как они, стрелки забивай, как они, разделяй их «понятия» о мужской силе, достоинстве, власти... Кланяйся, по сути, и знай свой шесток, знай, что если выйдешь из подчинения, тебя сломают, или убьют – без вариантов... Наэтэ не подчинишь, Наэтэ – вышла из подчинения...

Исподволь в голове Анрэи рождался «план», у кого занять денег, чтобы хоть как-то одеть Наэтэ, чтобы она могла выйти на улицу, – наступала зима с её морозами под тридцать, если не больше... И одеть-то её надо не в телогрейку, и не во всякие сапоги вставишь её ноги, которые он грел бы прямо в своём животе, своей печенью... Сам-то Анрэи жил почти нищенски. Половину зарплаты отдавал за «квартирку», а другой половины хватало лишь на еду. Да ещё надо тратиться (почему «надо» – неизвестно) на пьяные посиделки – с коллегами, партнёрами, приятелями, которые всегда не прочь «посидеть». Это было для него не «спасением от одиночества», а имитацией такого спасения, отчего одиночество потом приобретало просто катастрофические масштабы... Теперь всё это казалось настолько «маленьким», несущественным и даже бывшим не с ним, а с каким-то другим «муравьишкой», отбившимся от своего муравейника и не прибившемуся к чужому... «Тогда был не он, это всё было не с ним».

А теперь вот всё происходит именно с ним. Потому что – Наэтэ. Теперь он есть то, чем был всегда. Он даже свой рост стал ощущать субъективно иначе. Он был среднего роста, чуть выше. Это Наэтэ была высокая, вровень с ним. Но ему казалось, что в нём – метра два. С половиной. Остальные люди – все до одного – были где-то «внизу». Он их рассматривал, как орёл мышей, летящий низко по-над полем... И Наэтэ – такая вот атлантка – посреди выродившегося от какой-то катастрофы человечества. И любая мелочь, касающаяся Наэтэ, представлялась ему громадным фактом, по сравнению с которым «обрушение котировок» было «обрушением» горстки песка с песочной пирамидки в детской песочнице.

«Что ж ты сделала со мной, Наэтэ! – думал он. – Ты сделала со мной то, что Бог сделал с глиной, сотворив из неё Адама и вдохнув в него дыхание своё... Меня не было без тебя, я не помню ничего, что было до тебя, я не хочу знать, что будет без тебя, – слышишь, Наэтэ?..».

...Утром какого-то дня, какого, они не знали – ни часа, ни дня недели, ни даже о месяце уже толком не разумели – ноябрь ещё, или уже декабрь? – он проснулся внутренне готовым. Готовым к тому, что вот, нужно предпринять что-то основательное насчёт денег, и он даже придумал, *что*, и скажет об этом Наэтэ... И они решат, как быть дальше: куда бежать? Где найти место, в котором они могли бы жить? Жить. Не опасаясь, – жить, чтобы любить друг друга...

Он готов был делать всё, что угодно, что давало бы средства к существованию, крышу над головой. Писать заказные статейки? Класть кирпичи? – неважно. Банки грабить они не будут, – придумают что-нибудь поинтереснее... Ему казалось, что вокруг их любви, их «мирка», из самого этого «мирка», всё должно рождаться и фонтанировать, у них будет огромный круг друзей, просто людей, и все будут радоваться тому, что живут, – как они с Наэтэ...

...Наэтэ, полупроснувшись и не открывая глаз, вздохнула сладостно и немного тревожно, и, повернувшись к нему лицом, уткнулась носом в его глаз у переносья и стала дышать – своим носом и его глазом одновременно, потом приоткрыла губы и стала дышать ртом, словно бы дышала лицом Анрэи, и тихонько постанывала в сонной истоме, обняв крепко его спину... Ну, и стал мокрым её носик – от его глаз... Они же у него теперь всегда на мокром месте – из-за неё... Всё так же не открывая век, она стала успокоенно улыбаться – светло-светло, доверчиво, он прямо видел это – внутренним своим зрением...

«Любовь моя, любовь...», – вертелось у него на языке, – прошептать? Но он сдержался, оберегая остатки её сна... Потом она вдруг подняла голову, легко толкнула его рукой в плечо, уложив навзничь, и заняла свою обычную «утреннюю позицию» – легла на него, её лицо – над его, накрыла весь обзор «шалашом», «пледом» своих волос, и, глядя опять в его глаза, улыбаясь, как только что во полусне, сказала:

– Я первая проснулась, а ты – второй, – и засмеялась ласково, и стала целовать его в глаза..., говоря про них:

– Это мои глаза, а не твои, что хочу с ними, то и делаю, захочу – поцелую, захочу – плюну...

Он гладил рукой её голову и говорил:

– Ты моё небо, хочешь – солнцем светишь, хочешь – дождём идёшь...

Она смеялась, и целовала, целовала его лицо, опять ложилась щекой на него – словно бы играла с лицом... Наконец, они встали, сходили под душ поочерёдно (какая всё-таки маленькая ванна у него!) и пошли на кухню – как всегда, она в его рубашке, он – в халате «пижамном», – так они и проходили все дни, как солдаты в форме, которая не меняется на «другую одежду» никогда, разве что снимается и потом снова надевается... Даже не стали разогревать оставшуюся с вчера лапшу – доели холодной, запив чаем. Это был последний «паёк», снова последний.

Но Наэтэ на сей раз не выказала беспокойства... И он понял, что у неё – тоже есть «план», но она не начинала говорить, словно бы ждала, когда *он* что-то скажет, или была в этом «плане» до конца не уверена. Она села лицом к нему – на его колени, обняв его и руками, и ногами, – прижалась, гладила его голову, а он не желал оторвать губы от её плеча... И так стал говорить – плечу Наэтэ:

– Миленькая моя, я тут кое-что придумал. Мир не без добрых людей.

– Только не говори никому про нас, – ладно? – она будто уже знала, что он скажет именно это.

– Что ты, Наэтэ!

– Я знаю, – сказала она, – этот гад ищет меня. Но мне не страшно с тобой..., и я приняла решение.

– Какое, Наэтэ?

Она заулыбалась, как добрая мама, и, глядя на него ласково-победно, ответила:

– Я уведу тебя, – и засмеялась...

Он снова стал впадать в томную нежность к ней. А она добавила:

– Как *ты* меня, – в одной рубашке, – отомщу тебе...

– Отомсти, Наэтэ, – пожалуйста! – он обратил умоляющие взоры к её губам... – Уведи, спаси, отомсти!

Она ласково и светло продолжала улыбаться, её нежный лёгкий смех выдыхался у неё через нос, а живот от этого вздрагивал, и грудь тоже – прижатые к нему, и он ощутил её немного заговорщическое посмеивание всем телом. Отчего, понял, сейчас снова фол ин лав – упадёт в любовь к ней...

– Я уведу тебя и спрячу, – продолжила она, – ото всех, и ты будешь только моим, и нас будут окружать только хорошие люди, – понял?

«Спрячет от всех, но их будут окружать, – понял, конечно».

– Наэтэ, – сказал он, – открою тебе секрет, – я принял точно такое же решение.

– Что я тебя уведу? – и она засмеялась почти полную.

– Нет, насчёт хороших людей, которые нас будут окружать.

Она совсем рассмеялась...

– Анрэи, – мы с тобой одно целое, поэтому... я тебя уведу.

И как это у неё часто случается, светлый и нежный, обольщающий смех её тут же ушёл во влагу глаз, а губы она стала прикусывать – то верхнюю, то нижнюю, и сказала:

– И никто, никто тебя больше не увидит, не отберёт у меня тебя, ни кусочка, – даже взглядом! Будешь знать, как уводить меня!

И стала плакать, но быстро перестала, стала опять его гладить и целовать. А он – её.

– Да, Наэтэ, – так сделай, пожалуйста. Если хочешь моего счастья... Миленькая моя, я сегодня должен позвонить своему другу, и приятелю, – я почти уверен, что они выручат нас... Только ты, пожалуйста, потерпи, и не бойся, пока я вернусь... быстро... А после этого ты начнёшь меня уводить.

– Хорошо, – сказала она, заплакав, и не соглашаясь, на самом деле...

Её тело мелко задрожало – вот сейчас рыдательный приступ начнётся... Он её крепко-крепко обнял:

– Тихо, тихо! Всё будет хорошо...

– Хорошо... Хорошо... – она усилием воли заставила себя не плакать, не пускать себя в темноту безысходной тревоги...

– Только ты скорее, ладно?

– Да, моя хорошая, да...

Слёзы и смех, пока они были вдвоём, рождались из их глубин легко и естественно, беспрепятственно, не ограниченные никакими условностями. Как музыка у Моцарта... Их лица были ясными – жили, свободно отдаваясь игре чувств, словно никогда не носили масок с набором «механических выражений», соответствующих месту, обстоятельствам и целям...

...Анрэи вынужден был натянуть брюки, носки и какую-то рубашу – из болтавшихся на плечиках в платяном шкафу, впервые за долгое время побывав в «дальней», смежной комнатухе, где у него пылился рабочий стол с подержанным ноутбуком и где они ни разу не были с Наэтэ вместе, – зачем? Надел буцы свои... И... ощутил себя «отрезанным» от Наэтэ... В душе стало щемить, он будто снова оказался в своём офисе, среди всех этих людей и предметов, о существовании которых он уже забыл, забыл о той тоске, которая сидела внутри него притаившейся рысью, всегда готовой вырваться, прыгнуть, разодрать его душу и сознание в клочья, изнутри, превратив их в пьяные бессмысленные рыдания... Он остановился посреди большой комнаты перед Наэтэ... Она была босая, в его рубашке лёгкой только, которая едва прикрывала её бёдра, сливаясь с ними... Он встал на колени, обхватив её голые ноги руками, «запаянными» в рукава из плотной, показавшейся чужой и грубой материи... Но и через неё он сразу почувствовал тепло её ног. Уткнувшись носом ей в живот, он дышал ею, – тонкий, тёплый, родной аромат Наэтэ... Её дыхание стало дрожащим, она начала тихо постанывать, перебирать пальцами волосы на его голове...

– Наэтэ, говорил он в неё, – я сейчас приду, только позвоню от кого-нибудь, от соседей, – я быстро...

Затем встал с болезненной гримасой на лице, как будто его отдирали по живому, от собственного тела – от Наэтэ... У него в квартирке не было телефона, а свой карманный, мобильный, он бросил на работе...

Перед входной дверью, за которой начинался чужой и чуждый мир, то есть подъезд, он ещё раз крепко обнял тёплую, почти горячую Наэтэ – так, что её грудь на секунду стала его лёгкими... Она ласково, почти невесомо целовала его глаза – дыша аритмично носом, – как плакала почти. Он всего лишь выйдет в подъезд, чтобы найти какого-нибудь соседа с телефоном, а расставались они, будто он улетает надолго, за океан, на войну...

Закрыв дверь, за которой оставалась Наэтэ, он увидел почти «въяве», как она припала к этой двери с другой стороны, прижавшись к ней щекой и ухом, – как в её глазах загорячели слёзы...

«Я быстро, быстро, Наэтэ, – сейчас!» – заторопились в его голове слова... На своей площадке, где было ещё три квартирки, его не ожидал успех, никто ему не открыл. Поднимаясь на четвёртый этаж, он решил тупо биться в каждую дверь, обходя их «справа налево». И... ему сразу же повезло. Дверь «соседу» открыл мужик лет сорока, почти лысый, из квартирки пахло резким кошачьим духом, застарелой неприбранностью, – *точно* живёт один... И да, вот он кот, серо-полосатый, появился в прихожей, выгнул спину... Мужчина явно нещадно пил, периодически, и потому в лёгкую открывал двери «посетителям»... Общая «видуха» и хозяйина – он был в классически грязных обвисших трико и майке, бывшей белой, – и его жилища резко контрастировала с благообразной вежливостью этого мужика.

– Да, пожалуйста, проходите, звоните...

Анрэи облегчённо вздохнул, и поблагодарил Бога за этого человека. Телефон аж дисковый! – к старьевщику не ходи, – в прихожей, на тумбочке, цвета... бывшего бежевого... Боже! – неужели на свете есть Наэтэ? рай? – и он вот тут, этажом ниже!... Два мира, два разных мира! Один – сияющий, полный любви, жизни, хрустальных надежд... А второй – тоска с не выветриваемым кошачьим запахом, запустение, жалкость... И он, Анрэи, мог бы стать таким мужиком – в будущем, и манеры благообразные сохранил бы, наверное, тоже...

«Наэтэ! Наэтэ!» – билась птица в клетке его сознания опять... «Для Наэтэ!»... Это становилось у него кодовым словом – «для Наэтэ!», которое заставляло его преодолевать себя, своё нежелание хоть на секунду остаться без неё, служило шифром, открывающим и соседские двери, и двери в мир. Мир теперь казался ему сном о злой чужбине... Или деревней – спившейся, выродившейся, умирающей, по которой катаются пьяные захватчики на подержанных тракторах-иномарках, как оборзевшие немецкие солдаты на мотоциклах, не ведающие, что Небо – близко, и оно падает, и раздавит их, перемешав с железом и грязью их «белый булька» тел... «Для Наэтэ!» – это команда, которой его воля, не считающаяся уже с собственной его жизнью, подчиняется беспрекословно. За Родину – за Наэтэ! Его Родина – Наэтэ...

Юра, его давний приятель, с которым они бок о бок работали – года два – в местной редакции федеральной газеты, в пору, когда Анрэи был женат и даже, казалось ему, счастлив, относился к нему с некоторой недоверчивой ехидцей, – впрочем, дружеской вполне. В те моменты особенно, когда Анрэи приходилось перехватывать у него мелкие суммы денег, до получки.

... – Привет! – и Юра начал:

– Андрюха, ты вообще где? ты знаешь, что тебя ищет полиция? Уже неделю ищет, – мне звонили... На работе тебя потеряли... Родителей твоих нашли, брата..., они тебя тоже ищут!.. Ты куда делся?.. Какая-то братва ко мне приезжала, всё как положено – глаза мутные, пальцы веером... Я им говорю – да я только что из командировки, две недели меня в городе не было, ничего не знаю, не видел, не слышал, здрасьте до свиданья! Ты чего вообще, что с тобой?!.. Чего натворил?

Анрэи был ошарашен... Но не тем, что его все ищут, а тем, что он – Андрюха, он даже не понял, что это – ему и о нём... Он от этого расстроился и заволновался настолько сильно, что потерял дар речи, – Юра *что* хочет сказать, что Наэтэ – это Наталья Викторовна?.. Он даже чуть не спросил его об этом... Братва... Всё хуже, чем он ожидал, даже «подготовленный» страхом и ужасом Наэтэ перед этим вурдалаком – «Сергеем Семёновичем», «братаном», Шипом... «Боже, Боже, – забилося у него – нет, не сердце, а вся грудная клетка, – не выдать Наэтэ, место, где они прячутся»... Как легко раствориться в большом городе! – просто снять квартиру на окраинном массиве – без телефона и в «чёрную» – и никому не сказать адреса... Но как же легко и обнаружить себя!..

– Слушай, Юр, – со мной всё в порядке. А почему меня ищут? – я вроде никому не должен, никого не убил...

– Ну, заявили на тебя, наверное, – пропал. Ушёл покурить и не вернулся... Говорят, с какой-то девушкой на руках, её тоже ищут... Что за девушка, – Лепов? – Он уже ехидничал. – Увёл у какого-то братана?

У Анрэи в голове началась лихорадка, тяжёлая малярийная: «О, Боже!». А от страха опустилось в буцы сердце: «Сформулировал, молодец, так и есть...». Анрэи стал соображать: «На руках, девушка... Почему на руках? – на ногах». Чуть не сказал: «Не на руках, а на ногах», – но вовремя прикусил язык... Ну да, верно, он носил Наэтэ на руках с первого взгляда... Нет, не то, – ну да, имеется в виду «на руках» – значит, опекал... Ну да... И кто такой «Лепов»?.. «Ах да, это же «Андрюха», – то бишь я, нет – не я.., а он... О, Боже!...». И тут в его мозгу прозвучала команда: «Для Наэтэ!», – и сознание быстро-быстро завертелось в нужную сторону.

– Юра, послушай меня внимательно. Никакой девушки я не знаю, что за чушь?.. Короче – я живой, здоровый и опять неженатый.

Юра засмеялся:

– Ну, слава Богу! Родителям звонил?.. Я успокаивал их, как мог – мама плачет, отец спрашивает, может ты уехал куда, или загулял. Ну, загулял, говорю – бывает, или влюбился, лёг на дно... Ну, вот так вот немного успокоил. Звонил всем тоже, искал тебя... Почему-то все вдруг начали тебя искать... Давай, колись, что случилось?

«Все начали искать... Ещё бы – все, как ты, начали всем звонить», – подумал Анрэи.

– Юра, да ничего не случилось, – сказал он, а сам забеспокоился о родителях, они жили за четыреста километров, в соседнем областном центре, – ага, как же им позвонишь без телефона и денег, но не в этом дело – он забыл про их существование! И стал дальше гнать пургу – развесистую, чувевидную, но правдоподобную:

– Я тебе потом расскажу, что да как. У меня тут чёс хороший намечается. Столица в гости зовёт – на работу, сайт один большой, местную редакцию создают. Говорят, приезжай для начала к нам, за свой счёт, потом оплатим проезд, если собеседование пройдёшь, а ты его пройдёшь – сто пудов, раз зовём...

И тэпэ.

Юра не стал ждать «про сайт».

– Денег, что ли, надо?

– Ну да – займи недели на две на три штук тридцать.

– А чего так мало? – он ехидничал, – в столицу едешь, надо штук сто, у меня столько нету...

– Да не, – начал оправдываться Анрэи, почти краснея, что порет такой бред, – причём, это взбрело на язык само, тут же, без подготовки, вот не думал ни о чём таком, а говорил... Однако он осознал, что ниточку ухватил ту самую, которая от Юриной души и кошелька. Газета, в которой они работали, чуть не загнулась от обрушения котировок в стране – рекламодатели зажали деньги. Банки, которые у них пиарились, шлангами прикинулись. Это, впро-

чем, их обычное состояние – с какой стороны ни подкатишься, с такой и шланг, хоть и набитый распирающей его «водой» – деньгами. А поливать засыхающий огород, который люди зубами пашут, отказываются – пустить деньги в оборот через товар, ссуды беспроцентные, кредиты дешёвые... И потому лопаются. От жадности. И поделом, так и надо – лопайтесь банки, большие и разные... Словом, их с Юрой сократили, на улицу выкинули, как и многих. Юра ударился во все тяжкие, чтобы найти работу в другом «дорогом» федеральном издании, – нашёл, молодец. И он поймёт Анрэи, – он знает, что любой нормальный «корреспондент» этого желает, и не помочь он не может. Если поверит. Даже если не поверит – поможет. Потому что Анрэи помог ему тогда, три года назад, устроиться в их редакцию... Юра вон уже и на машине рассекает, на подержанной иномарке, и денег у него всегда было больше, чем у Анрэи – батрачит налево направо, без зазрения совести, не противно ему...

– Не, не, – Анрэи стал сама сдержанность, продуманность, ответственность, – хватит тридцати, двадцать у меня есть. – (Ого!).

– Всё равно мало.

– Хватит.

Анрэи чувствовал, сколько можно просить у Юры, можно б было сто, он бы сто спросил – они у Юры, может, и есть. Но это СТО, для Юры – сакральная сумма, она просто должна у него быть, она – залог его доброго расположения к людям и мирного, то есть равнодушного, сосуществования с действительностью, – *ты* меня «не того самого», и *я* тебя «не это самое»... Поэтому он может дать тридцать, не больше.

Помолчав чуть, Юра сказал:

– Ну, дам я тебе тридцать, больше не могу, приезжай – домой ко мне, вечером. Посидим, я коньяка возьму. Расскажешь, чё там у тебя...

Вот это было самым сложным моментом: убедить Юру, чтобы подъехал он, к условленному углу дома – какого-нибудь, поблизости. Анрэи не мог оставить Наэтэ, он был уверен, что она – голоногая и босая – так и будет стоять, прижавшись щекой к двери, шмыгая носом и роняя слёзы, пока он не вернётся из «похода» по соседским квартирам, а что уж говорить о каких-то его отсутствиях вечером... Это нереально. Ужас охватывал её даже от мимолётного одиночества – она начинала трепетать, её полуденное лицо-солнце начинало темнеть... «Не бросай меня!» – и плакала. «Боже, Наэтэ, – ну зачем тебя обидели, зачем?! – да разве можно тебя бросить? Разве можно бросить Эдем, чтобы пойти в киоск за мерзким пивом? Разве можно бросить „яхту миллионера“ ради подержанной иномарки? Разве можно чего-то хотеть в этой жизни, кроме тебя? Как можно бросить твои губы ради „поцелуя“ этого мира, этого задрипанного гомика, с „подержанным“ подкрашенным ртом, из которого летят мухи? „Бросить“ тебя, Наэтэ, можно только в одном случае: погибнуть, чтобы спасти тебя, умереть, чтобы ты жила, пойти в преисподнюю, чтобы ты пошла в рай...».

И Анрэи начал нести такую околесицу...

– Юра, подъедь сейчас, если можно, – адрес такой-то, угол дома такого-то... Ты за рулём?.. Я в мыле весь, успеть бы, самолёт вечером, ещё *то* надо, то...

Он врал, врал и врал... Юра не верил его словам, но верил его настрою. Настрой совершенно однозначный: не помочь нельзя.

– Ладно, – сказал он, наконец, – жди. Ровно через час...

– Хорошо...

Анрэи уже начал вздыхать с огромным облегчением и радостью, как вдруг его словно поленом по затылку ударили: сколько сейчас времени? У него и часов-то не было, кроме, как на мобильнике, который он оставил в офисе... И какое сегодня число?

– Подожди! – он крикнул в трубку, – через час, это во сколько? – Но было уже поздно.

Потом сообразил, что у лысого соседа с котом может узнать время, число, день недели, месяц... Какой год – неважно, но он даже это не знал, – вернее, забыл...

«Сегодня» оказалось четверг, 25 ноября. Он вспомнил, что был в офисе 11-го... Всего четырнадцать дней? Так мало ещё? они «побыли» с Наэтэ. Так мало? Анрэи поморщился, как от боли. Сосед даже обратил внимание: проблемы?

– Да нет, наоборот.

Что бывает наоборот проблем? Наэтэ. Но этого не скажешь, не объяснишь.

– Можно ещё в одно место позвонить?

– Да звони, звони, сколько надо. – Сергей, – он протянул руку, знакомиться.

– Анрэи.

– Андрюха?

– Ну, вроде... – А сам подумал: «Да пошли вы все...».

Второй друг был ему брат, фактически. Были знакомы с нуля лет, их родители дружили, по жизни, с досвадьбы ещё, которую они и справили в один – не день, а месяц.

– Мих, привет! Это я...

Миха был станочник-многодеревщик, токарь с большим слесарным кругозором, монтажник кирпичей высшего разряда, электрик с непомерным стажем. Широкий специалист узкого профиля, словом. И работал на богатеньких принципиально. Не торопясь и за большие деньги, – за качество брал... Качество и правда было, любил тщательно и красиво всё делать. Сейчас он работал у одной ушлой торгашки, строившей по городу сауны и маленькие гостинички с интимом для вип-персон, где отдыхали всякие Шипы с подельниками, проститутками и депутатами – местные и приезжие. Она дружила с сутенёрскими «холдингами и корпорациями», арендовала под молодёжные клубы с диджеями и наркотой всякие площадки... Императорша дешёвых развлечений, – не по деньгам дешёвых, а по содержанию. На людских пороках поднимала деньги, и ещё – на дорогой импортной одежде для детей бизнесменов... Объектов у неё по городу предостаточно, всё строила и делала страшно дёшево, хотя ярко, – выжимала и ужимала сметы так, что Михе там работы было ремонтной всегда завались. У него – своя мастерская даже, на одном из объектов, и он там натурально жил. И у него тоже деньги водились – чаще всегда, чем иногда. И, главное, он не будет спрашивать – «зачем»? И даже «когда отдашь»? Сколько сможет – даст, когда сможешь отдать – отдашь.

– Пятнашку могу занять.

Анрэи двадцать просил.

– Я машину в рассрочку взял, – объяснил Мих.

«И он – на машине», – подумал Анрэи.

– Деньги пока можно не отдавать, – Михе имел в виду очередной платёж за машину, – хотя я и отложил... Ну, когда сможешь – вернёшь. В крайнем случае позвоню тебе... Приезжай.

Всё, как и думал Анрэи. Даже то, что к Михе придётся ехать – через весь город, на левый берег реки. У Михи всё просто – тебе надо, ты и приезжай. Оставить Наэтэ одну надолго... Вот этого его разум ещё не мог вместить... Михе и знать не знал, что Анрэи – в розыске. Никто ему не звонил – не предполагают, что у Анрэи в друзьях «простой работяга», не пересекались их орбиты ни в каких местах, что касается работы... Решать всё нужно было быстро. Весть о том, что Анрэи нашёлся, разлетится мгновенно, раз его все ищут, и дойдёт «до кого надо» за сутки. Значит, западня вокруг них с Наэтэ сомкнётся моментально. Страшная картина, которую он себе представил, когда с Наэтэ «на руках» бежал из офиса в одной рубашке и тонком свитере – как братва заталкивает её в подержанную Шипом иномарку, – не позволяла ему расслабиться...

Когда он вернулся из «похода» по подъезду, Наэтэ снова повисла на нём – не закрыл он дверь даже, – обхватив его коленями, зажав его руками и ногами с такой силой, что у него из глаз брызнуло...

– Наэтэ, миленькая, – сказал он дрожащим голосом, – кажется, всё получается...

Она вздрагивала – грудью, вжатым в него, – и эта дрожь уходила по всему его телу в пятки...

– Анрэи, – не уходи от меня, не уходи, – пожалуйста! – глаза на мокром месте, целует его, висая на нём, вросши в него всем весом... Так он её пронёс «на руках» – до дивана... Она завладела им – повалила на диван, как есть в брюках, рубашке, ботинках, и прижала его сверху собою.

– Не пущу тебя, я не могу без тебя, не оставляй меня, пожалуйста!... Мне хочется выть, я плачу без конца...

Она плакала. Горько. Лёжа на нём. Укрыв его лицо волосами своими, – плакала ему в ухо, висок. Словно её сильно-сильно обидел кто-то – только что... У Анрэи рвалось сердце.

Как он может оставить её? – на час, на два, на три!

– Наэтэ, миленькая, – тихо, тихо, – он сам не мог удерживать себя от слёз..., – всё будет хорошо...

Они лежали так долго, он её почти успокоил... И тут его шибануло: Юра! С деньгами! Уедет ведь, если он опоздает, и что? – опять оставлять Наэтэ? Нет-нет... Часов нет, Боже!.. Она сверху смотрела на него опять – как утром, когда они проснулись... Он гладил её волосы.

– Мой, мой..., Анрэи, – говорила она, шмыгая носом...

– Наэтэ, надо идти, – с болью вышло из него, – а то провороним своё счастье.

У неё опять в плаче искривились губы, всё лицо – мука и безысходность горя на нём...

– Я быстро, правда, – тут недалеко...

Он ждал Юру минут двадцать – раньше пришёл, от страха, что проворонит. Мог бы с Наэтэ ещё побыть... Когда он сел к нему в машину, Юра долго мучил его рассказами о том, как нужно вести себя в столице, он теперь там частый гость – то на летучки летает к ним, то на стажировки... Анрэи бесцветно поддакивал, всё время разглядывая картину ужаса на своём внутреннем «экране», – как Наэтэ, сжавшись до невозможности в комочек, сидит в углу дивана у стенки, поджав колени к подбородку, и дрожит – «брошенка», «подкидыш»... Он так и оставил её, когда уходил. Она даже ничего ему не сказала, не проводила даже... Она и правда – боялась, боялась страшно. Что он выйдет и не вернётся. Этот страх был сильнее её. «Боже мой, миленькая, Наэтэ, – мы справимся с этим, справимся... Я с тобой, с тобой...».

– Ну, ладно, – округлил Юра, доставая пачку денег, перетянутую резинкой..., – Лепов, – решил он послушать Анрэи, так как его очередь теперь – болтать, – так что за баба там? Говорят, тебя с нею видели, когда ты её куда-то вёл под локоток... Колись, давай, – засмеялся он.

– Да откуда я знаю? Там у нас баб *столько*, – только в нашем кабинете восемь штук. Мало ли с кем я хожу «под локоток» по сто раз на дню, – ответил Анрэи, желая поскорее закончить тему. – Да и не только я. Там на три директора-мужика по сто восемь девок-процентщиц, и все локоток подставляют... Ну спутали меня с кем-то... Ну бред.

– Да ладно, – добродушно хлопнул его по плечу Юра, – будто понимал, что Анрэи «шифруется», – все мы бабники, всё нормально...

«Все да не все, – подумал Анрэи, – я – нет». И представил себя голым в бане с восемью «девками-процентщицами» из своей конторы – маленькую Машу с большой грудью, кривоногую Оксанку с аэродромной спиной, толстоватую Ольку – телеса потряхиваются, как желе... И ему жутко стало до изморози... И жалко их. Наэтэ рядом с ними, как Ника Самофракийская рядом с пигмеечками неказистыми. «Их бы на пару лет в Гималаи, на Тибет, – подумал он, – на выправку. Душевную. Смотришь, и красота бы в них проступила. Хоть какая-нибудь...».

После Юры Анрэи сразу же поехал к Михе – на автобусе, деньги теперь у него есть – ездить...

Отсутствовал он почти четыре часа. На обратном пути его прошибал горячий пот – так он страшился за Наэтэ..., так не мог вынести этой «картинки» – клубочек Наэтэ в углу дивана, у стенки...

И когда он вошёл в комнату, а на улице уже темнело, и в комнате было так тоскливо-серо, что взвыли все кошки на душе, Наэтэ всё так же – клубочком – сидела в углу дивана, у стенки, и дрожала... На него блеснули её намученные глаза.

– Анрэи.., – только и проговорила она тихо, срывающимся голосом... Он сел рядом, прислонился лбом к её коленям и заплакал.

– Любовь моя...

И так они сидели долго. Пока совсем не стемнело... Потом он её отласкивал, отмаливал, отогревал, отцеловывал с головы до лодыжек и пяточек, просил у неё прощения... Пока, наконец, она не стала прежней, не расслабилась, не улыбнулась – вымученно, обессилено, не ответила на его ласку...

«Как же остро она переживает одиночество, гораздо острее, чем я, – думал он, – как она могла жить, как могла защитить себя?.. Как же ранят её – обида, оскорбления, слова... Ты – восторг, Наэтэ, ты – власть, ты – моя любовь, – я не оставлю больше тебя, – слышишь? Слышишь?»...

Их «мирок» долго восстанавливался, как после тяжёлой болезни, камнепада – поразбившего улицы и машины... Он, кажется, впервые вспомнил, что в квартирке есть электрический свет. Включил. Наэтэ стала, как на полотнах Пикассо – безобъёмным рисунком в этом свете... Он принёс с собой разной еды, настоящий кофе, вкусный чай... Он что-то готовил на кухне, всё роняя. А Наэтэ сидела на узкой табуреточке, сдвинув голые колени, смотрела на него безотрывно, и шмыгала, шмыгала, время от времени роняя слёзы... Он же всё приговаривал:

– Сейчас, моя миленькая, сейчас...

И делал то же самое – носом и глазами.

Глава 8. Миссия Наэтэ

За окном уже темно. В квартирке – полная тишина, только он звенит ложками и тарелками. Молчаливая и умиротворённая Наэтэ, – сидит сбоку стола, на табуреточке, застеленной полотенцем – голые ноги, сдвинутые колени, прямая спина, грудь – во всей красе под его тонкой рубашкой, которая ей всё-таки немножечко тесна, руки в замочке на коленках. Плечи её чуть подрагивают, и носом она слегка шмыгает, дышит неровно, лёгкими «толчками», – Господи, он готов плакать от этого её шмыгания и подрагивания, душа просто заходится от любви к ней... Она не ждёт, пока он накормит их рыбой с рисом, которые он притащил из магазина, она просто смотрит на него...

Повсюду – электрический, чересчур яркий свет. На столе у них «нормальные» тарелки, вилки, ножи – он достал самое лучшее из посуды, что у них было... Вот они сидят, едят, орудуя столовыми приборами, всякий раз стараясь оторвать взгляд от тарелок, чтобы посмотреть друг на друга... Трапеза, проходящая в серьёзной любовной атмосфере... У него у самого подрагивают все мышцы – от восторга, который мощным гейзером готов из него вырваться, но притаился, любителю тем, кто вызвал его к жизни, – Наэтэ, даёт о себе знать только влагой в глазах непреходящей, и вот этим лёгким подрагиванием, холодком во всём теле... «Боже, Наэтэ, – как ты красива!.. Я люблю тебя всю – до помрачения, – все твои «местечки», все твои жесты, малейшие движения губ твоих. Люблю твою прихоть и даже свою смерть, если она – от тебя...». Он не был уже «я», он был – Наэтэ, словно она превратила его просто в орудие, – орудие любви к самой себе... Что она пожелает – то он исполнит... «Жена», – проговорилось в его голове слово. И он замер, перестал цокать ножом и вилкой по тарелке. Стал смотреть на неё – как всегда, но и как-то иначе, слёзы ползли на глаза, – ну нет в человеческом «устройстве» большего проявления восторга и глубокой радости, чем слёзы... Она тоже «остановилась» лицом, и тоже её глаза сияли горячей родниковой водой.

– Мы муж и жена, – сказал он.

– Да, – сказала она. И опустила глаза. Потом снова подняла, и в них начал темнеть вопрос, который она ему задавала постоянно, с первой минуты – стоило ему только подумать о том, чтобы выйти за дверь, – и он плакал от бессилия, невозможности победить бессмысленность этого вопроса.

– Нет, – опередил он её вопрос своим ответом, – Никогда. Ни на миг.

Она тоже положила нож и вилку по обеим сторонам тарелки, и оставила на них свои руки. Губы её стали слегка ломаться и дрожать, но она сдерживалась. А глаза были полны слёз, и две крупные капли выкатились, оставив на её щеках две прихотливые «дорожки» мокрого серебра...

Она впервые совлала с собой. Значит, начала верить. Что не бросит и не оставит он её. И именно – ни на миг... Так они и доели рыбу – деловито-любовно. Пошмыгивая носами... Дышать только было трудно – от переполнявших чувств. Что-то новое, более основательное возникло между ними. От чего – если углубляться в него своим внутренним взором – можно теперь плакать постоянно, без «перерыва на обед» и на сон, – от счастья...

Они съели – вот так, почти чинно – всё до крошки, два салата – крабовый и оливье, которые он купил готовыми, рис и жареную рыбу, которую тоже пожарили в супермаркете, а он её разогрел, выпили на двоих литр томатного сока, пока ели, и он стал варить кофе, – не кипятком «варить» для суррогатного, точнее растворимого «Нескафе», а само кофе... Кухня наполнилась вкусным и тёплым запахом «Арабики»... У них ещё четыре пирожных «корзиночка» есть... Он обернулся на Наэтэ, запах кофе источал другой запах – праздника, и лицо Наэтэ посветлело, она смотрела на него своими яркими, от влажного тонкого глянца белков, большими, как окна готического собора, глазами, и почти робко улыбаясь... Он почувствовал

на её щеках высохшие «руселки» слёз, – словно прошёлся по ним губами. И тоже улыбнулся – почти смущённо...

– Я буду кормить тебя и поить, – сказал он, – только ты люби меня, Наэтэ...

– Я буду любить тебя и так, – ответила она, – только за кофе.

И засмеялась.

Он опустил голову и заплакал. Она не сказала «только не бросай меня», она сказала «только за кофе».

– Не плачь, как маленький, – она смеялась ласково и шутливо.

Кофе уже поднимался шапкой в маленькой железной кастрюльке... Он бросил его, и упал на колени перед ней, стукнув ими об пол, и уронил голову – глазами – в её сомкнутые ноги, под живот, кофе взбучилось, и горячая пена стала заливать газ...

Наэтэ снова рассмеялась.

– Анрэи, кофе убежало... И моя любовь тоже убежит..., прозеваешь...

Он подхватился, – спас кофе. И любовь...

– Я её догоню, – только и сказал.

Наэтэ смеялась легко и умиротворённо, шаловливо даже. Все тени исчезли с её лица... Они пили кофе – маленькими глоточками, а она с удовольствием отдавалась пирожным. А он хотел быть кусочками этих пирожных, которые она отправляла в рот, песочными крошками от этих пирожных на её губах...

Привычка постоянно думать, вести какой-то «внутренний диалог», складывать возникающие ассоциации в «картинки», не оставляла его никогда, стала его натурой, и он уже и не замечал, как одна за другой выстраиваются в его голове мысли. По поводу всего.

Вот и сейчас, любуясь Наэтэ, он чего-то «думал», хотя если бы его неожиданно спросили, «о чём думаешь, Анрэи?», он бы удивился и сказал: «Я не думаю, я люблюсь Наэтэ»...

«Она могла бы, – думал он, – пользоваться дорогим парфюмом, побеждать в конкурсах красоты, жить в роскошном особняке, ездить в люксовой и не подержанной иномарке, держать дома слуг... Ведь «она этого достойна», – втёрся в его извилины дурацкий рекламный лозунг. – Ещё она могла бы показывать стриптиз – в ночных клубах, и все бы толпились вокруг, и пускали слюни в свои «мохито». Но ей этого почему-то не надо... Ей надо сидеть вот тут, в его зачуханной кухоньке, и бояться, что он её бросит». Он сглотнул слёзы... «Наэтэ, – ты настоящая, ты сама не знаешь, какая ты настоящая... Это ты меня бросишь, разве я достоин тебя? Разве я могу тебе соответствовать?... Но я буду, буду рвать жилы. Рядом с тобой я не трус, не лентяй, не слоняющийся одиночка... Да мне всё по плечу – рядом с тобой... Пусть не будет у нас яхты, четырёхэтажного коттеджа, Ламборджини..., – они не нужны – ни мне, ни тебе. У нас не будет с тобой никаких слуг. Потому что мы будем иметь только то, что сможем обиходить сами...». «Как они могут, – думал он про «богатеньких», – пускать чужих людей в свой дом, всю эту прислугу?... Вот бы у нас с тобой так было... Какие-то чужие люди в обуви ходили бы по следам твоих босых ног, а я бы языком «счищал» эту грязь с твоих следов, чтобы целовать их?... Как они могут чужим людям – каким-то «гувернантам» – поручать своих детей в собственных домах? Разве время, труд, отданные своему ребёнку, – это не есть то, ради чего всё остальное?... И зачем нужен стриптиз? – эти конкурсы красоты, эти клубы, и вообще вся эта «порнография»? вместе с «эротикой»? ... Что это за мир, помешанный на онанизме?... Куда любовь делась? – которая не к себе... У нас с Наэтэ такой «стриптиз», такая «эротика»..., что ой-ёй – если бы это показать по телевизору... Но мы никогда этого не покажем, и не будет Наэтэ дрыгать ногами, такими же голыми, как сейчас, у шеста... Потому что тогда погаснет наш «маленький мирок», который весь бы уместился на ладошке, – эта волшебная хрустальная сферка, со стеночками почти невесомыми, как воздух... Которая есть тайна, – и она наша! Наша! И она делает нас самими собой, и вся радость в ней... И никто нам не указ...

Она выпила большую чашку кофе, и осилила два пирожных, и теперь смотрела на него – светло-светло, чуть улыбаясь... И вдруг встала посреди кухни, прямо перед ним, и потянулась – вся! – от кончиков пальцев ног до кистей рук, которые она подняла и сцепила над головой, выгнулась к нему – грудью и животом, – и рубашка задралась, обнажив все её «интимности» и бёдра, почти до талии... У него аж треснуло в голове, – он впервые видел, как она потягивается, да ещё вот так: обухом да по переносице... И засмеялась – победно: «Не глазами! А то покусая...». Он смотрел на неё сражённо, не смея поднять глаз выше пупка, который – жаль! – рубашка ей всё же прикрывала... «Да-а, – решил он, – любой мужчина – это твой трофей, поверженный напрочь». Наконец, сам заулыбался, и тоже встал. И спросил – неожиданно для себя:

– Наэтэ, у нас будут дети?

– А ты хочешь? – лукаво и одновременно по-детски она улыбалась ему, они стояли лицом друг к другу – почти вплотную.

– Да, – тихо ответил он.

– Я рожу тебе, сколько хочешь.

«Ну царевна из сказки», – подумал он.

А она продолжала:

– Хочешь – десять, хочешь – двадцать.

И засмеялась, положила ему ладони на плечи, согнув руки в локтях и прижавшись к нему, её глаза светили в его зрачки – ровно, ярко, улыбочиво, нежно...

– У нас будет тогда не семья, а какое-то детское учреждение культуры.

– Почему «культуры»? – рассмеялась она.

– А почему ты не спрашиваешь «почему «учреждение»?»

Он её смешил просто.

– Ну, потому что семья – это что-то... нечто... вроде учреждения. Но не культуры же!

– Ну, тогда – детское учреждение образования.

И они оба стали смеяться и обниматься одновременно... И ещё он целовал её щёки. Губы она не давала, потому что смеялась... И как будто огромный камень свалился прочь с души. У него. И стало легко, весело, ясно. И Наэтэ – смеялась и светилась, словно что-то тяжёлое и тёмное ушло из неё, и она была вся, как эфир светоносный. Оставаясь «при теле», и он уже желал её...

– Нет-нет-нет! – продолжала смеяться она, – я буду любить тебя только за кофе. Я соскучилась по кофе, я хочу ещё кофе...

Он шмыгнул носом – ну да, опять слёзы счастья к глазам льнут.

– И не плачь, как маленький! – она дразнила его.

И тут её смешливость внезапно уступила место спокойному и почти серьёзному взгляду, она смотрела ему в глаза, и он тонул в этом взгляде... Но сказал всего лишь:

– Пошёл варить кофе... За любовь...

Она, склонив голову набок, улыбнулась ему ласково.

...Они опять пили кофе, и она ела пирожные, сам он их не ел никогда, не покупал давно – с тех пор, как с бывшей женой всё расстроилось... Наэтэ полностью освободила его, до встречи с ней он продолжал маять в душе тот свой брак, уже и не думая о нём. О чём думать? – всё ясно. Но сердце... Но в сердце что-то осело чёрным, и давило его, путало сетью рваной – крылья. Обида? Ревность? Сожаление? – неизвестно, что. Сухой камень на месте родника... Теперь же всё это казалось таким далёким, маленьким, несущественным... Им с лёгкостью можно пренебречь теперь. Как малюсенькой погрешностью в громадных вычислениях. Как одним сантиметром при измерении расстояния до Солнца.

Допив вторую порцию кофе и доев все пирожные – вот наголодалась она с ним! – она опять встала, и опять потянулась – вся, перед ним. Понравилось ей. В его глазах отражаться

в этот момент... Он прикусил губу: «Наэтэ, – ты же опять заставишь меня «плакать, как маленький»... И теперь-то я точно унесу тебя под плед... А она смотрела на него и лукаво-игриво молчала: «Нет, не унесёшь... Будешь любить меня здесь, на кухне, стоя, как в первый раз... Хочу повисеть на твоей шее». А он в ответ – глазами: «Да я мечтаю об этом»... Она – продолжая молча играть им: «Тогда ещё хочу кофе!»...

И оба снова засмеялись.

И зачем им разговаривать? И так всё понятно. Без слов.

И тут он стал серьёзный, – как она после первой чашки кофе. Встал, подошёл к ней, тоже положив ладони на её плечи, согнув руки в локтях, прижавшись к ней. И стал говорить со страстью, глядя ей в глаза, желая её прямо сейчас:

– Я хочу, чтобы всё у нас было настоящим, как наша любовь, – я не хочу ничего арендованного, подержанного, поношенного, стокового, «имиджевого», поддельного, суррогатного, копированного, клонированного, заёмного, с чужого плеча, из-под чужой задницы, от чужого ума... Я хочу построить наш дом своими руками, чтобы мы могли обиходить его сами...

– Анрэи, – она тоже прямо смотрела ему в глаза, – ты уже построил дом, и я уже развесила в нём шторы... – Глаза её заблестели от мокрой слюды слёз. – Дом – это мы с тобой. И как мы захотим, так и будет... Я вот здесь, в этой квартирке, почувствовала себя дома...

– И я тоже, – вставил он. – С детства не было этого ощущения.

– Вот видишь, – шмыгнув носом, продолжила она, – разве в детстве ты своими руками его делал?

Она засмеялась и прижалась к его лбу своим, они оба наклонили слегка головы, – так что их носы встретились...

– Дом строит любовь, а не наоборот, – сказала она.

– И где тут понять, это любовь строит дом, или дом строит любовь – и то, и то одновременно строят одно и то же, – опять её рассмешил, и сам стал смеяться.

– Не придирайся к словам, – ты понял, о чём я.

– Я всё равно хочу наш дом своими руками, – упрямылся он, – потому что только я знаю, как тебе нравится.

– Ну, ладно, – согласилась она, немножко посерьёзнев, – строй. Только когда я буду спать, – потому что когда я не буду спать, я буду тебя любить...

– А когда же я буду спать?

Они оба снова рассмеялись.

– А ты будешь спать со мной, а не «когда»...

На том и порешили. Нашёл, с кем спорить. Сказал только:

– Я хочу, чтобы мы жили с тобой в настоящем мире, а не в этом – не в том, в котором мы живём...

Она глянула на него – немного странно.

Анрэи «отпустил» её пока, снял с её плеч руки, чуть отступил. Она смотрела на него прямо, не моргая, и он отметил что-то новое в её взгляде. Её лицо выровнялось, словно от внутреннего совершенства, которое проявилось полностью в эту минуту, – прямо-таки греческая богиня – Ника, с которой он её сравнивал. «Если бы „девка“ из офиса хоть толику того совершенства – нет, не внешнего, – он опять невольно сравнивал их с нею, – они бы не смотрелись так вычурно, карикатурно, мелко, дешево, их большие груди и кривоватые голени не вызывали бы смеха своими претензиями».

В глубине глаз Наэтэ затаились будущий Парфенон и вдохновение Фидия – вернее, то, что можно назвать их источником, первообразом, – строитель и скульптор должны лишь как можно искуснее «срисовать» его и понимать при этом, что их усилия тщетны, ибо то прекрасное, что выходит из-под их рук и радует потом всё человечество, лишь бледное подобие настоящего, истинного совершенства, тайна которого выше разума и умений человека...

У Анрэи засосало под ложечкой, он понял, что никакое вдохновение не поможет ему постичь до конца «источник» Наэтэ, её «первообраз», её совершенство, порождая лишь неутолимую жажду обладать им, стремление к нему... Да ему двух жизней не хватит, чтобы постичь Наэтэ своей страстью, своей любовью... Перед ним стоял и смотрел на него этот Сфинкс – с глазами Наэтэ, от которых, если не «уворачиваться» некоторое время, начинается дрожь в коленках... Его охватило пламя её сияния, оно не жгло – оно возносило, – до страха высоты, до жути свободного падения, оно делало Наэтэ сродни Елене Прекрасной, из-за которой была Троянская война, а Гомер был вынужден написать «Илиаду», да ещё и «Одиссею» в придачу...

– Ты случайно не богиня? – спросил он.

Она засмеялась, и он тоже улыбался – смущённо, хотя вроде пошутил.

– Нет, – теперь *она* снова положила ему руки на плечи, прижалась, – я твоя Наэтэ...

Обняла его потом, и стала нежно гладить по голове.

– Хочешь, буду богиней, хочешь – многодетной матерью...

Потом они начали дурачиться – она задирала ему свои ноги так высоко, чтобы он мог целовать на них пальчики, и приговаривала, как приказывала:

– Целуй! Ещё целуй! Плохо целуешь!..

А он и рад до без ума.

Потом обнимались – всё ещё на кухне – так, что двинули стол, и с него посыпалась посуда, из которой они ели, и разбилась, – тарелки, чашка... Оба только и хохотали.

– На счастье, – говорила она.

– Надо остальную тоже побить, – говорил он.

Смешно, да. Пришлось ползать, убирать – ему, у неё же пальчики и пяточки на ногах, разутых и раздетых... Он стоял под ней на четвереньках, сметая осколки и целуя заодно её ноги, – это могло продолжаться долго, поскольку про осколки он не всегда помнил, не мог удержать в голове два дела – тем более, что одно из них гораздо интереснее второго. Она взяла, наконец, и села на него, как на маленького пони, вытянув свои ноги вперёд его ушей на всю длину, кухня едва вмещала их... У него от смеха и её тяжести подламывались руки, он старался не брякнуться...

– Сейчас ты себе нос разобьёшь, – смеялась она.

– Не я себе, а ты мне.

Ну ухохатывались.

– Вези меня в шалаш, я принцесса. А ты грум.

– Почему грум, – я лошадь!

– Нет, ты грум. Грум – это перевозчик принцесс...

– Принцессы в шалашах не живут.

Он уже не мог от смеха.

– Ах ты низкий грум, как ты разговариваешь с принцессой! Н-но!

Он от смеха смешно ворочался. И не мог ни говорить, ни двигаться.

– Может, я отвезу тебя во дворец? – он там же, где шалаш...

Она спрыгнула с него, тоже встала на четвереньки – нос к носу с ним, и смеялась счастливо, поджав губы, носом, – от этой её манеры смеяться он съезжал с катушек вообще. Долго же они «подметали»...

В «шалаше» – под пледом – у них начался какой-то пароксизм – нежной игры, объятий – и ласковых, почти бережных, и страстных... Они длили эту взаимную нежность до бесконечности, сколько позволяли силы сдерживать страсть, тонули в этой сладкой истоме «до упора»... Говорили, смеясь, о чём ни попадя – громким шёпотом. От любителя всего «своего, настоящего» поступила, например, смешная информация о том, что завтра они пойдут одевать Наэтэ. В «секонд-хэнд» за углом... Наконец, измотали себя этой нежностью до «не могу». И «упали в любовь»... И она его не покусала. Случайно так получилось... И по этому поводу тоже – лас-

кались и смеялись изнеможённо... Уже хотели спать страшно, уже не было сил, и всё равно – не желали «расставаться» на время сна-забытия. Лежали ещё долго, шептались – обо всём, обо всём, им хотелось именно шептаться, словно их кто-то мог услышать... И как-то легко задавали друг другу то «глупые» вопросы о каких-нибудь мелочах, то – вселенского масштаба... Анрэи – уже почти за порогом сна – вдруг спросил её:

– Наэтэ!.. – И замолчал.

– Что, мой грумский пони?..

– Как ты думаешь, какая у человека миссия? Ведь каждый человек зачем-то приходит в этот мир...

Она его обняла и перевернула на спину, и теперь она над ним... Смотрит ему в глаза, как она это любит делать по утрам. В комнате темно от ночи и светло от уличных фонарей одновременно... Он задал ей этот вопрос, видимо, в бессознательной надежде, что это снова будет разговор про их любовь. Они без конца сворачивали на эту тему, они упивались друг другом... Ну какая у человека может быть «миссия»? – любить Наэтэ, служить Наэтэ, пальчики ног ей целовать... Но её ответ его если и не огорошил сильно, то озадачил слегка. Она, помолчав и посмотрев на него, сказала – серьёзно:

– Я долго думала о своей миссии, а когда нашла тебя, перестала думать. Забыла.

Глаза их хоть и засыпали давно, но всё равно начали «мироточить» – и у него, и у неё... По разным причинам, но не понятно, каким. У одного от изнеможения, наверное, а у другой – от борьбы с изнеможением.

– А у любви – есть миссия? – снова спросил он.

– А какая миссия может быть у любви? – тоже спросила она. – И сама стала отвечать – с неожиданной страстью, откуда силы? – У жизни разве есть «миссия»? Это ведь одно и то же... Вот у Иисуса Христа – была миссия. Вернуть людям их достоинство, знание, чьи они дети, знание Бога, правил жизни, веру в чудо, в бессмертие, в то, что люди не будут оставлены тьме... Он вернул любовь, и в *этом* была его миссия – вернуть, Он был послан с любовью – Тем, Кто Сам есть Любовь. И вот какая у Бога может быть «миссия»? Кто её на Него возложит? Только Сам на Себя.

Анрэи не понял ничего.

– А ты веришь в Него? – изумлённо спросил он, а у самого замельтешило – в голове и глазах: Наэтэ, миленькая, как же я тебя люблю! *Ты* – моя жизнь и моя любовь, *ты* вернула мне – жизнь и любовь – ты! *Ты* послана Богом – ты! Ко мне лично!»

А Наэтэ продолжала:

– Так и любовь, и жизнь. А «миссия» – это когда кто-то болен, и вот врач – это миссионер...

– Тогда ты и есть миссионер, потому что ты вылечила меня, воскресила.

Наэтэ шмыгнула носиком:

– А ты? Ты тогда не миссионер? – и заплакала. – Что ты только всё о себе думаешь?

Анрэи поразился – как? А она:

– Это ты – врач, это ты меня спас, *ты* меня вылечил, эгоист проклятый.

Ничего себе, «эгоист» – спас, вылечил.

– Почему же я эгоист, Наэтэ? Я твой раб. Раб любви. К тебе.

– Потому что тебе нужно, чтобы к тебе шли с «миссией»... Я люблю тебя, Анрэи! – она совсем заплакала и упала лицом рядом с его лицом... Они развернулись на бок – нос к носу...

– Я дурак, Наэтэ, – прости меня! Я люблю тебя, – люблю, люблю, люблю...

– Вот и люби, и не задавай глупых вопросов.., – она всхлипывала, и уже засыпала. – Нет у любви никакой «миссии»... И забудь, забудь про мою миссию, про свою... Пожалуйста...

Это были её последние слова, она уснула, всхлипывая уже во сне.... Он гладил её – нежно – пальцами по лицу, утирая мокроту слёз. И сам не заметил, как уснул... Как всегда, «думая» до последнего мгновения: «И всё же – она говорила про свою миссию, – какую, что?..». Он хотел знать о ней больше, – с этим и уснул...

Глава 9. Утро Сфинкса

...Он первый проснулся. Как спохватился, – что-то не договорил Наэтэ важное, что-то не додумал... Она к нему – спиной, согнув ноги в коленях, он прижимается к ней весь, словно не желая оставить ни кусочка себя без неё, дышит в её волосы.... Его мысли начали крутиться в голове с того места, на котором остановились вчера, придушенные сном. «Наэтэ рассуждает о Боге?.. Мы в постели с Наэтэ говорим о Боге?.. – он ласково улыбнулся ей в затылок. – Впрочем, что удивительного? Она и языки знает... Неужели правда?.. А я не знаю ни одного – только английский учил. Не выучил... А что я знаю о Наэтэ?.. Да ничего, кроме того, что я её знаю, всю, как себя.., вернее, чувствую, но не знаю...». Он словно увидел Наэтэ с новой, незнакомой ему, стороны – он и не предполагал... И ему хотелось, хотелось узнать о ней больше. Он уже ревновал, хотел обладать ею не только в настоящем и будущем, но и в прошлом, он хотел обладать всеми её «сторонами»... Вернее, не обладать – знать... «Впрочем, не одно ли это и то же?» – он вдруг серьёзно подумал: она загадка, и если без шуток, без любовной игры, то он ни на шаг не подошёл к разгадке... Ему отчего-то даже стало стыдно перед нею – неужели он так нелюбопытен? И вправду «эгоист» – только о себе и своих чувствах думает. Хочет не Наэтэ, а своё хотение, любит не Наэтэ, а свою любовь к ней...

И тут... Наэтэ, как борец на ковре, неожиданно «завалила» его на спину – проснулась! И опять её лицо, глаза, «опавшие» на него её «золочёные» русые волосы... Утренняя Наэтэ, – и слёзы у него уже «привыкли» выступать на глаза, когда он видит её ласковую, чуть игривую улыбку над собой.

– Я первый проснулся!

– А я вообще не спала! – возразила она смешливо-ласково.

– Обманщица!

– Я всего лишь закрыла глаза. И представляла, как я тебя буду уводить – на свою планету, – ты же хотел! Видела, как мы там живём, – она светло и легко засмеялась, не разжимая губ, а у него – новый приступ влаги в зеницах, так он любил этот её смех. Она поцеловала его в губы, глаза...

– Видят во сне, а не в «представлениях», – обманщица.

Она продолжала улыбаться, словно и не слушая его.

– Ты меня уже увела на свою планету – вот же она! – мы на ней валяемся...

– Но нам светит не моё солнце – значит, это твоя иллюзия...

И тут она водрузилась на него, сев ему на живот, грудь, коленями и ногами придавив плечи, предплечья – так что он не мог ворохнуться. И, выпрямив спину, возвышаясь над ним, как колосс, глядя под себя, сказала с самодовлеющим выражением на лице, с властью, которой он и так уже подчинился полностью, до безгласности:

– Теперь моя очередь уводить тебя, как ты меня. Будешь меня слушаться?.. Как я тебя слушалась?..

Он, глядя в её глаза – через полновластную её грудь, которая лишала его воли до сладкого и абсолютного растворения – ну сахар в чае! – ответил:

– Буду тебя слушаться, как юный семинарист мудрого богослова, буду твоим послушником, слуш-шкой и служ-жкой, Наэтэ.

Он смотрел на неё неотрывно – как она возвышается над ним, положив ладони рук на свои бёдра, глядя самодовлеюще, словно в никуда и во всё, и в него тоже. Ну Сфинкс!

– Ты самый прекрасный величественный Сфинкс из всех, которых я видел...

– Ты ни одного не видел, не ври.., – сказала она, не меняя величественного и загадочного выражения своего лица.

– Я зато читал...

– Это не считается...

И она засмеялась своим ласковым смехом, не разжимая губ, склонив голову и любуясь – не столько им, сколько своей властью над ним.

– Я буду выполнять всё, что ты мне скажешь, – продолжал он серьёзно и дурашливо одновременно. – Скажешь мне – «слетай за пирожными», – я взмахну руками и полечу.

– Ну! – взмахивай..., и лети! – она опять засмеялась.

И привсталась – во весь рост над ним, вдавив коленями его плечи с ключицами в диван до боли в костях, вся во всей красе, прямо над его глазами почти, опустив руки по бёдрам, склонив голову, чтобы видеть его лицо, его потрясённый взгляд, «придавленный» её величием – её ног, живота, груди и сияющего откуда-то сверху солнца-лица, в ниспадающей короне лучей – золотых волос. Ну Ника Самофракийская, Венера Милосская! Только со всеми недостающими тем частями тела – головой, руками... И такая же «откровенная» – вырезанная – нет, не из камня – из влюблённого в неё пространства восхищённым Мастером. Это демонстрация полной власти над ним и... полного доверия к нему... Она так возвышалась, и они разговаривали.

Он сделал попытку «взлететь» – руки из-под неё высвободить. Но она устроилась «поудобнее» – чтобы даже не пытался. И слабые «крылья» его затихли – под её сильными ногами... С готовностью, впрочем.

– Врун... непослушный...

– Как будет по-испански «я люблю тебя очень-очень»? – он ещё и экзаменовал её! – «юный семинарист», – лёжа под и между ног – «мудрого богослова»!

«Богослов» снисходительно смотрел на него. В прямом смысле – нисходя взглядом под себя, с высоты нескрываемого превосходства, или лучше сказать – с нескрываемой высоты превосходства.

– Теамо изсоэс-мас фуэртэ келавида иламуэрте¹. Переведи!

– Я люблю тебя, и это сильнее жизни и смерти.

– Вот видишь, и ты знаешь языки, – она опять присела, улыбнулась – всё так же снисходительно – и снова наклонила голову, чуть на бок.

– Нет, это я сам придумал...

Она засмеялась, и наклонилась над ним – так, что волосы её все «упали» с плеч и висели над его глазами шатром.

А он продолжал «проверять» «Сократа» на «мудрость»:

– А как то же самое будет по-английски?

– Ай фел инлав виз ю, эз'иф ай фел интузэсан, эн» хэвбин бёрнт туэшез, зеарис насин» лефт²... Переведи!

– Я упал в любовь с тобой, как в Солнце и сгорел дотла, ничего от меня не осталось.

– Правильно!

Она смеялась, любовно рассматривая его из-под своих волос:

– А теперь *ты* скажи, – на моём языке, – проговорила она как настоящий экзаменатор, не липовый, – «я тебя люблю».

– Илеанире.

– Вот видишь, – учительница хвалила неразумного ученика, – ты *знаешь* языки...

– Я сказал белиберду – первое, что пришло в голову... Но подумал именно так, – он посерьёзней.

– Этого достаточно, чтобы говорить на «моём» языке...

И продолжала:

¹ Te amo y eso es más fuerte que la vida y la muerte.

² I fell in love with you as if i fell into the sun and i have been burnt to ashes, there's nothing left.

– Мне моя мама сказала: кто понимает тебя без переводчика, тот и есть твой принц, твой трофей и твоя жертва..., послушник, – она смотрела, улыбаясь – как её мама, наверное, улыбалась бы своему маленькому сыну, на котором восседает, почему-то.

– Мама забыла добавить: твой муж.

Она рассмеялась, низко-низко склонившись к нему, засыпав его лицо своими волосами. Он вдохнул полной грудью, насколько позволяла тяжесть «сфинкса», их аромат... И смеялся вместе с нею от того, что у них такая замечательная игра: какую бы белиберду они ни говорили – из слов и звуков, – они понимали друг друга дословно. Это удивительная игра! – никто ещё не додумался... И она – ярче реальности... Она-то и есть реальность, а *то* всё – за окном – неумелая карандашная мазня какого-то бездаря. И их имена, которые они взяли себе из своей реальности, лучше и красивей тех, что у них на самом деле – то есть, на той «мазне» серым карандашом. Наэтэ... Наэтэ... Как лёгкий прохладный бриз – над золотым и нежно-вязким, ласковым, разогретым полуденным солнцем, песком. Бесконечное лазоревое море, счастье, Наэтэ...

Она снова выпрямилась, закинув волосы за спину, и сидела на нём полноправно. Её грудь лишала его глаз. Соски, будто пращи, словно били по ним острыми камнями, пробивая их, как тонкие слюдяные оконца... Её глаза..., веки чуть приопущены. Она смотрит на него, как на свой пьедестал, подножье – ровно, без значения и эмоций, только загадка в глазах, самодовлеющая загадка... Как у Сфинкса всамделишного. И руки лежат на бёдрах спокойно, как лапы Сфинкса... Спокойствие силы и власти, свыше данной...

И ему передавалась эта спокойная самодостаточность, эта загадочная статика... Только сердце убежало в живот и билось об Наэтэ – снизу, – как маленькая птичка в лакуне бетонной плиты, придавившей небо до земли.

– Я не хочу никуда уходить из твоих глаз, – сказала она, не меняя самодовлеющего величия в позе и взгляде, – ни в какой «секонд-хэнд» за углом... И не хочу, чтобы меня одевали. Хочу быть голая.

И оба засмеялись – заговорщически и по-детски, она опять склонила голову над ним, шатром волос нависнув.

– И я этого хочу, – отвечал он глазами её смеющимся губам.

– Никуда не пойду, я тут живу, – она говорила про его глаза, как не в шутку настаивала.

– С ногами, – поддержал он её.

– Да.

– Особенно с ногами.

Она смеётся:

– И с головой тоже особенно.

– А руки – так себе? – не особенно-то и нужны, как Венере Милосской... Твоим моим глазам... А вот грудь...

– Дурак! – её смех уже весь нежный. – Руки тоже. И грудь... Вся душа, глупенький, а не половина...

– Рука – это душа?

– Да, – он её смешит, нарочно.

– И ноги?

– И ноги, – Наэтэ смеётся.

– И даже... – он «улёгся» глазами в её интимный треугольник под животом, – ...даже страшно сказать, чтоб не обидеть, настолько там всё нежно.

– Даже..., – нет, он специально её расхохатывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.